

№ 42

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 17 Октября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГODOBAY ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.

„ съ доставкою . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к, съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.

маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.

Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала

„Нива“ помѣщается

въ С.-П.-Бургѣ, на Б.

Морской, въ д. № 9.

При слѣдующемъ № 43 будутъ разосланы въ картономъ футлярѣ общанныя гг. подписчикамъ „Нивы“ (получаю-
щимъ журналъ черезъ почту) ПРЕМІИ—двѣ олеографическія картины: 1) Семья рыбака и 2) Тарантелла.

Въ случаѣ не полученія къмъ либо при № 43 такого футляра съ преміями, издатель
проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ
№ 44 „Нивы“.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ или Москвѣ, будутъ выданы эти пре-
мія при № 43 безъ футляра, завернутыя въ бумагу.

РАЗВАЛИНЫ ТРАЯНОВА МОСТА НА ДУНАѢ

Остатки развалина отъ моста, бывшаго на Дунаѣ во времена Римскаго Императора Траяна. Рис. Лансело.

ДЕРЕВНЯ «ГОРНЫЙ-СТУДЕНЬ».

Деревня „Горный-Студень“, занятая в настоящее время главной квартирой нашей Дунайской армии, расположена на слегка холмистой местности, на пространстве по крайней мере двух-трех верст. Не смотря однако на такое расстояние, доказывающее значительную величину деревни, в ней нельзя найти ни одного порядочного дома, в котором было бы можно поместиться хотя бы с самыми ограниченными удобствами. Турецкие дома отличаются все таки большим устройством, чем дома болгары. Но и они не могут быть

названы в таком смысле слова домами.—просто низенькие землянки, крытые черепицею или тростником, на который сверху для большего предохранения от холода, еще накинута на аршин толщины хворосту. Пол в землянке—та же глина, из которой сделаны стены. Окна маленькие, решетчатые и пропускают свет в землянку, точно в тюрьму или в подвал. Тем не менее необходимость заставила состоящих при главной квартире расположиться в таких землянках, за неимением лучших поместий. Болгарское население этой деревушки отличается еще значительно большею бедностью.

ТЮРКМЕНСКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ПРАЗДНИЧНОМЪ НАРЯДѢ.

Голова ея, обременена *хасавою*. Эта тяжелая махина из картона обтягивается спереди бархатом и украшается шестью рядами золотых блях на красных шнурах, а с боков—большими, устоявшими разноцветными стеклами и сердоликом серебряными бляшками, с которых свешиваются до подбородка тоже серебряные цѣпочки с бубенчиками; сверху картона наспинается на плечи шелковое покрывало от жары, вѣтра, пожарный комаров, но не от воров мужичи, ибо туркменки ходят с открытым лицом. Длинная красная (с полосками) рубаха, из-под которой выглядывают узкие шальвары, короткіе шерстяные носки и туфли с острыми носками составляют остальную часть костюма.

Зимою женщины надѣвают поверх рубахи двѣ или три архаична мужского покроя и кутаются в бараньи шубы, вышиты по бортам узорам из кумачевой полосатой материи, с тонкою выпушкой из мерлушек по краям.

Тяжела доля туркменской женщины. Она хозяйничает, исполняет всѣ тяжелыя работы и не имѣетъ права голоса в семье; короче сказать—это рабыня. Она моет, очищает и сунит пшеницу, мелет ее ручной мельницей, тклет ковры, тесьмы, хурджины (дорожные мѣшки), выдѣлывает шерстяные войлоки и приготовляет из верблюжьей шерсти матерію горохового цвѣта для костюма, а при перекочевках аула—разбирает и устанавливает кибитку.

Если туркмен имѣет *крани*, т. е. рабыню, в такомъ случаѣ на ней лежитъ вся эта работа, за исключеніемъ тканья и шитья, которымъ занимаются его жены и вообще женская половина семьи.

Не смотря на всю обширность женскаго труда, когда у туркмена родится дочь, в семье нѣтъ радости, и никто не придет поздравить его съ новорожденною; но если родится сынъ, весь аулъ сперва привѣтствуетъ лучшаго друга счастливаго отца, потомъ поздравляетъ „съ наследникомъ“ самого родителя, а затѣмъ слѣдуютъ веселыя пиры.

Когда ребенку стукнетъ 7—12 лѣтъ, отецъ высматриваетъ ему такую же крошку-невѣсту и, отыскавъ таковую, вступаетъ въ предварительные переговоры съ ея отцомъ, послѣ чего отправляетъ къ нему старшинъ аула условиться насчетъ *платы за невесту*, которая и вносится немедленно сполна или въ опредѣленные сроки по частямъ. Затѣмъ, нѣсколько родственниковъ жениха идутъ къ невестѣ и, по прочтеніи мудлою соотвѣтствующей обстоятельству молитвы, снимаютъ съ дѣвчечьей головы шапочку (въ родѣ ермошки), волосы ея заплетаютъ въ двѣ косы, а голова повязывается, какъ у женщины, платкомъ; съ этой минуты, дѣвица называется *ялинъ* (снохою).

Внесши условленную плату за невесту, отецъ жениха готовится къ торжественной церемоніи похищенія ея изъ отцовскаго дома къ своему сыну; приглашаются родные и знакомые, конные и пѣшіе, *бакиши* (музыканты) и *джигиты* (наѣзники) со всѣхъ окрестныхъ, иногда и дальнихъ ауловъ, на убранномъ кистами и прочими украшениями верблюдѣ, прилаживается *кеджава*, т. е. маленькая будка, занавѣшенная разными матеріями, и вся эта процессія отправляется къ невестининому отцу, но самъ женихъ остается на это время в кибиткѣ одинъ одинешенекъ, не показываясь ни роднымъ, ни знакомымъ невесты.

При приближеніи процессіи, подруги и женская половина, родственная невестѣ, окружаютъ ее внутри кибитки, между тѣмъ какъ снаружи толпится ея мужское родство, не допуская ворваться къ ней и похитить ее прибывшимъ роднымъ жениха; это перѣдко заканчивается хотя путливою, но довольно

чувствительною потасовкою двухъ лагерей: одежды обращаются въ клочья, тѣла покрываются синяками; тѣмъ временемъ родители невесты угощаютъ гостей, разбрасывая фрукты и крашеный сахаръ собравшемуся народу и дѣтямъ. Въ концѣ-концовъ, какъ бы не хотя, невесту выдаютъ роднымъ жениха, а тѣ увозятъ ее; при этомъ джигиты показываютъ свою удалъ въ бѣдѣ и стрѣляютъ, баяны играютъ и орутъ, дѣти бросаютъ камнями въ кеджаву, что повторяется и при встрѣчѣ свадебнаго поѣзда у родныхъ жениха, которые, въ свою очередь, угощаютъ гостей и разбрасываютъ фрукты и сахаръ народу,—словомъ, *пиръ идетъ горой*...

Собравшееся къ пяти часамъ по полудни въ аулъ духовенство отправляетъ къ жениху и невестѣ четырехъ мужичи, по двое съ обѣихъ сторонъ, спросить у нихъ: согласны ли они на бракъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ *), посланные сообщаютъ его народу; тогда ахундъ (высшее духовное лицо) провозглашаетъ: „дочь такого-то выходитъ за сына такого-то, по обоюдному согласію, — вы, народъ, свидѣтели этому“.

Народъ отвѣчаетъ: „Мы — свидѣтели“. Процедура спроса (или спрашивания) согласія у молодыхъ и призывъ народа въ свидѣтели повторяется троекратно, послѣ чего одинъ изъ духовныхъ читаетъ молитву, и тѣмъ завязывается неразрывный узелъ брачной жизни.

Между тѣмъ въ сторонѣ отъ аула разбивается новая кибитка, куда вводятъ молодыхъ; дѣти швыряютъ камнями въ нее до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ друзей жениха не отгонитъ ихъ, чтобы дать отдыхъ жениху и невестѣ, которые остаются на ночь одни, и съ этой минуты они, будучи дѣтьми, признаются ужъ за мужа и жену.

На слѣдующее утро кибитка молодыхъ переносится въ аулъ и ставится по правую сторону отцовской кибитки; проживъ здѣсь недѣлю, молодая возвращается къ своимъ родителямъ на годъ, въ теченіе котораго приготовляетъ себѣ приданое: наряды, ковры и прочія украшения для матра. Затѣмъ она прѣзжаетъ къ мужу на мѣсяцъ и снова отправляется мѣсяца на два или на три, послѣ чего уже окончательно переселяется къ нему. Безъ сомнѣнія, моментъ окончательнаго сожителства съ мужемъ ускоряется въ случаѣ рожденія ребенка.

Мужъ никогда не зоветъ свою жену по имени, а кличетъ: „хойтъ!“ то есть: эй! и не то что гнушается ею, но ставитъ ее гораздо ниже себя: она не смѣетъ идти рядомъ съ нимъ, а слѣдуетъ сзади, она не отваживается называть его иначе, какъ „*ахасы*“, т. е. отецъ дѣтей, и безпрекословно исполняетъ всѣ его приказанія и прихоти, въ противномъ случаѣ мужъ колотитъ ее палками, стегаетъ плетью.

Туркменамъ не дозволяется имѣть болѣе четырехъ женъ изъ туркменокъ, но изъ *крани*, т. е. персидскихъ невольницъ—сколько угодно, смотря по средствамъ. Плата за дѣвицу колеблется между 60 и 120 червонцами (180—360 руб.), деньгами и товарами, *которые поступаютъ въ безотчетное распоряженіе* ея отца; цѣна же молодымъ вдовушкамъ вдвое и втрое дороже. Туркмены предпочитаютъ вдовъ дѣвушкамъ потому, что тѣ уже опытные, привычны къ тяжелымъ трудамъ и имѣютъ готовое приданое.

Если умираетъ мужъ, то спустя 40 дней послѣ его смерти вдова беретъ изъ кибитки только свое приданое, а если остались деньги, то получаетъ не болѣе 15% съ наличнаго капитала.

Если умираетъ мужъ, то спустя 40 дней послѣ его смерти вдова беретъ изъ кибитки только свое приданое, а если остались деньги, то получаетъ не болѣе 15% съ наличнаго капитала.

*) При безусловной власти отца надъ дѣтьми, отрицательнаго отвѣта быть не можетъ.

Туркменская женщина въ праздничномъ нарядѣ.

тала, затѣмъ, оставивъ своихъ дѣтей у его ближайшей родни, отправляется къ своему отцу, къ которому не замедлятъ явиться охотники *купить вдовушку*, предварительно неспросивъ у ней личнаго на то согласія. Если же у вдовушки (у дѣвцы тоже) нѣтъ отца, тогда судьбою ея распоряжается старшій братъ или ближайшіе родственники, но родная мать не имѣетъ

надъ нею никакого права, даже лишена права голоса при запродажѣ дочери въ замужество.

По смерти старшаго брата въ семьѣ, на его женахъ женится младшій братъ или двоюродные братья, или дядя; только родному брату нельзя жениться на родной сестрѣ, прочія же степени родства не служатъ препятствіемъ къ браку.

П. Огородниковъ.

Библиографія.

Календарь съ отрывающимися листками. Ежедневникъ, на 1878 годъ. Изданіе Э. Гоппе. Цѣна 75 к.

Календарь этотъ можетъ быть стѣннымъ, такъ какъ для гвоздика наверху въ картонѣ сдѣлано отверстіе. Книжка съ отрывающимися листками привѣрена къ толстому картону, длиною около 8 вершковъ. На лицевой сторонѣ подъ книжкой указаны цѣны вексельной и гербовой бумаги, а сзади на картонѣ помѣщены пожарные сигналы въ С.-Петербургѣ и такса

почтовыхъ сборовъ за внутреннюю корреспонденцію. На листкахъ назначены: мѣсяць, число, день, церковныя свѣдѣнія и другія указанія; напр. на листкѣ: февраль 18 (2) суббота, указано на тиражъ акцій и облигацій курско-харьковской желѣзной дороги и историческія свѣдѣнія, о смерти Ярополка Владиміровича и о предоставленіи права Петромъ III русскому дворянству служить или нѣтъ. Вообще календарь этотъ довольно изящень, красивъ, и судя по его достоинствамъ, весьма недорогъ.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

«Наше святое дѣло торжествуетъ!» Этими словами мы вправѣ начать нынѣшнее наше обозрѣніе дѣйствій на театрѣ войны. Одержана побѣда надъ турками, блестящая даже по сознанию туркофильскихъ газетъ, и одержана именно за Кавказомъ, гдѣ всего болѣе было, повидимому, военное затишье и куда съ такими торжественнымъ злорадствомъ указывали туркофилы. *Армія Мухтара-паши разбита наголову и отрѣзана отъ Карса!* Даже и не знакомому съ военнымъ дѣломъ очевидны громадныя и плодотворныя послѣдствія этой побѣды. Самъ Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ. Карсъ теперь снова составляетъ средоточіе нашихъ военныхъ операцій за Кавказомъ, съ тою разницею, что теперь есть гораздо большіе для насъ шансы къ взятію этой громадной крѣпости (способной вмѣстить до 30,000 войска), чѣмъ это было съ начала войны, послѣ взятія нами Ардагана.

Дѣло это происходило 2-го и 3-го октября. Сначала наша обходная колонна, подъ командою генерала Лаварева, заняла, 2-го октября, высоты Орлока, сбива турецкія войска и отбросила ихъ къ *Карсу* и *Вязниксу*. Этимъ движеніемъ была обойдена часть непріятельской арміи. Слѣдствіе этого, на слѣдующій день (3-го октября) была предпринята общая атака расположенія Мухтара-паши. Ключемъ къ его фронту была гора *Авліаръ*, сильно укрѣпленная. 3-го октября утромъ наши войска начали общее наступленіе на *Авліаръ*, предварительно подготовивъ это наступленіе мѣткимъ огнемъ артиллеріи. Знаменитый нашъ кавказскій герой генералъ *Гейманъ*, предводительствуя Эриванскимъ, Грузинскимъ и Пятигорскимъ полками и стрѣлковымъ батальономъ, къ полудню, энергически пошелъ на штурмъ Авліара и овладѣлъ имъ. Съ занятіемъ Авліара армія Мухтара-паши была разрѣзана. Одна часть ея обратилась къ Карсу, но была встрѣчена во флангъ войсками генерала *Лаварева* и преслѣдуема войсками *Геймана*, а къ 5 часамъ пополудни была совершенно разбита и разбѣгана. Въ то же время покончено было съ правымъ флангомъ турецкихъ войскъ. Эти войска, состоящіе изъ 3-хъ дивизій, были отброшены съ позицій на высотѣ Аладжи, окружены со всѣхъ сторонъ, и, понеся громадныя потери, должны были сдаться. Пленныхъ взето нами множество: 7 пашей и 100 высшихъ офицеровъ, 36 орудій, 32 батальона, 4 артиллерійскія бригады и огромное количество военнаго имущества, состоящаго изъ артиллерійскихъ припасовъ, провіанта и пр. Взято также два турецкія знамени и много значковъ. Турки сначала сдѣлали было попытку пробиться съ высотъ Аладжи въ Карсъ, но это движеніе было отражено нашими войсками и при этомъ турки понесли большія потери и отступили въ безпорядкѣ къ крѣпости Кагызману (къ юго-востоку отъ Карса). При этомъ наша кавалерія преслѣдовала непріятеля. Наша потеря около 1000 человекъ. Потеря же турокъ громадна—именно 16,000 человекъ.

Его Величество Государь Императоръ, узнавъ о Германскаго Императора Вильгельма о славной побѣдѣ 3-го октября особо телеграммой. Вскорѣ на эту телеграмму полученъ былъ отвѣтъ Германскаго Императора, съ поздравленіемъ и пожеланіемъ счастья. Не можемъ здѣсь не отмѣтить факта—какое впечатлѣніе произвело извѣстіе о побѣдѣ подъ Карсомъ въ нашей Дунайской арміи. Радостная вѣсть эта пришла во время вечерней зари. Солдаты горячо молились, «о завтрашнемъ днѣ помышляя». Когда было прочитано извѣстіе, надо было видѣть, какъ десятки тысячъ обнаженныхъ головъ гордо и величаво подымались, горячія слезы радости появились у многихъ.

Бомбардированіе Плевны уже началось по всей линіи. Рѣшительныя дѣйствія видимо послѣдуютъ скорѣ. Все обезпечено съ нашей стороны, вслучаѣ неожиданныхъ движеній турокъ, и намъ кажется, самымъ главнымъ здѣсь представляется то, что Османъ-паша теперь совершенно отрѣзанъ отъ Соеин и не можетъ получить отсюда подкрѣпленія. Армія Османа-паши, что называется, *деморализована*, упала духомъ. Этотъ страшный

терминъ, *деморализована*—понятна всѣмъ, потому что доказывается многочисленными примѣрами исторіи. Солдатъ голоденъ, обрванъ, потерялъ вѣру въ предводителей и состоятельность того дѣла, которое защищаетъ онъ, перебѣгаетъ къ врагу, противъ котораго незадолго еще горячо сражался. Телеграфъ дѣйствительно, извѣстилъ насъ, что изъ осажденной Плевны явились уже дезертиры, или перебѣжчики, въ нашъ лагерь, и эти дезертиры теперь являются, уже большими массами—это признакъ близкаго паденія Плевны. Замѣтимъ, что пришедшій какъ мы уже извѣщали, въ Плевну изъ Орханіе, чрезъ Соеію, турецкій 10 тысячный отрядъ съ провіантомъ, повидимому, нисколько не помогъ бѣдственному положенію осажденныхъ. Голодныхъ, желудковъ и обрванныхъ тѣлъ, стало быть, уже слишкомъ много, даже при великобританскихъ субсидіяхъ... Замѣтимъ кстати, что недавно англійскія газеты кричали объ упадкѣ духа именно *нашей*, а не турецкой арміи. Вотъ что называется съ больной головы да наздоровую!

Если бы мы стали указывать на разнообразныя толки вызванные «неожиданною» для туркофиловъ нашею побѣдою на равнинахъ Арменіи, то никогда ни кончили бы. Не лишены комизма, однакоже, заботливыя указанія англійской прессы, что вотъ-молъ, теперь-то и настала часть для Россіи заключить почетный миръ съ турками, ибо послѣднею славною побѣдою военная честь Россіи спасена. Да когда же было опасеніе, что Россія можетъ потерять военную честь? Вся наша исторія служитъ опроверженіемъ этой вздорной мысли... Если въ политикѣ и необходима практичность, но ужъ отъ англійскихъ то практическихъ совѣтовъ—избави насъ Боже!..

Замѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ и судя по согласнымъ телеграфнымъ сообщеніямъ, и армія Наслѣдника Цесаревича скорѣ приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Сулейманъ-паша сосредоточиваетъ свои силы у Кады-Кіюйа и остается пока въ Разградѣ.

Въ ловческомъ нашемъ отрядѣ продолжаютъ молодецкіе поиски, по направленіи къ югу.

Что касается военныхъ операцій на Шипкѣ, то здѣсь выпавшій глубокий снѣгъ препятствуетъ имъ.

Перейдемъ теперь къ политическимъ извѣстіямъ, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ результаты выборовъ, во Франціи. Полный результатъ выборовъ, за исключеніемъ французскихъ колоній, представляется пока въ слѣдующемъ видѣ: выбрано консерваторовъ 201, республиканцевъ 314. Допускаются перебаллотировки. Верхъ одержала республиканская партія, и этотъ результатъ маршалъ Макъ-Магонъ какъ-то съумѣлъ истолковать въ свою пользу. Сторонники маршала и самъ маршалъ утверждалъ, что, въ концѣ концовъ, его правительство одержало *моральную побѣду* (?) Какимъ же образомъ? Категорически и положительно выражаться въ этомъ смыслѣ—по меньшей мѣрѣ преждевременно. Въ числѣ преимуществъ, присвоенныхъ избираемымъ, принадлежитъ и право имѣть мѣсто въ палатѣ. До сихъ поръ результаты выборовъ показали, что мѣста въ палатѣ, пріобрѣтенныя консерваторами, принадлежатъ скорѣ монархистамъ, чѣмъ бонапартистамъ. Клерикаловъ, или приверженцевъ папы, выбрано вообще мало.

Гамбетта, по поводу выборовъ, снова оскорбилъ личность президента въ своей рѣчи и во второй разъ позванъ въ судъ исправительной полиціи.

Изъ другихъ новостей прошлой недѣли болѣе выступаетъ *нота турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ посланная на имя турецкаго посла въ Лондонъ*, для передачи лорду Дерби. Нота содержитъ строгое предостереженіе Греціи по поводу ея военныхъ приготовленій. Курьезно здѣсь то, что Порта обращается съ нотою не къ самой Греціи, а къ своей покровительницѣ Англіи, неудобная маленькую Грецію непосредственнымъ напоминаніемъ. Эта канцелярско-бюрократическая манера въ дипломатіи комична въ высшей степени. Какая-нибудь нота

XIX г.

№ 6

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

г. XIX

1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 6 февраля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1888 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарелъ (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ **4 р.**
Съ доставкою въ Петер-
бургъ **5 р. 50 к.**
Безъ доет. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. **5 р.**

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи **6 р. ***
За границу, съ перес. **8 р.**
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ разжѣтовъ главной преміи
на 1888 годъ просимъ гг. подписчиковъ выслать
на унупорку и пересылку ея **60 коп.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленны отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Муллей-Гассанъ, султанъ маронскій. Рис. Вудвиль, грав. Ольшевскій.

Зима. (Рис. на стр. 153).

Замѣчательно тонкая гравюра съ картины Мюнте передаетъ впечатлѣніе зимнихъ сумерокъ въ лѣсу, съ послѣдними, какъ бы умирающими отблесками свѣта въ темнѣющихъ облакахъ и въ колеяхъ запыленной снѣгомъ дороги... Самая атмосфера, сырая, туманная, вѣтеръ чѣмъ-то унылымъ на двухъ путниковъ, пожимающихся въ ея холодѣ.

„Зѣвота одолѣла“ и „Забористый табакъ“, типы Н. Оболенскаго. (Рис. на стр. 156 и 157).

Эти два бойкіе рисунка à pendant говорятъ сами за себя. Все дѣло здѣсь въ мускульной игрѣ лицъ, изъ которыхъ одно растянута зѣвкомъ, а другое съежилось предъ чиханьемъ. На первое изъ нихъ, принадлежащее сапожному подмастерью, которому, подъ влияніемъ першопеднаго еще воскреснаго похмѣлья, очень скудно приниматься за работу въ такой тяжелый день какъ понедѣльникъ, — почти невозможно смотреть безъ того, чтобы не зѣвнуть самому: до того вѣрно схваченъ художникомъ весь процессъ зѣвоты. Другое, не менѣе типическое лицо, напоминающее портнаго Петровича изъ Гоголевской „Шинели“, какъ бы ошеломлено значительною повьюшкой *березинскаго* — и вотъ-вотъ сейчасъ чихнетъ, не смотря на всю привычку къ „хранительному былію, мерзкому зелію, еже есть“ табакъ.

Менуэтъ. Кавалеръ (рис. на стр. 160) **и дама** (рис. на стр. 161).

Лѣтъ сто тому назадъ, все, даже самые танцы, было какъ-то важнѣе, медлительнѣе и вѣстѣ съ тѣмъ изящнѣе. Посмотрите на этихъ дѣтей прошлаго вѣка, маленькаго пажа и его подругу, танцующихъ менуэтъ — степенный танецъ, который въ XVII и XVIII столѣтіи обыкновенно открывались балы при дворахъ Людовиковъ XIV, XV и XVI. Сколько граціи въ ихъ плавныхъ, неторопливыхъ движеніяхъ! Танецъ былъ тогда тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ — т. е. искусствомъ выражать пластикой тѣла, изящными позами и красивыми тѣлодвиженіями разныя ощущенія удовольствія или одушевленія. Было гдѣ развернуться, показать красоту ноги, величественный жестъ руки, лебединый изгибъ стана и шеи. Пыль все это смѣнилось простымъ хожденіемъ или какими-то факирскими круженіемъ съ болѣе или менѣе смѣшными подсакиваніями, отъ которыхъ только рябитъ въ глазахъ, когда смотришь на танцующихъ современниковъ.

Руанскій соборъ. (Рис. на стр. 164).

Въ 140 верстахъ отъ Парижа по желѣзной дорогѣ, въ Нормандіи, лежитъ на правомъ берегу Сены одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Франціи, Руанъ. Еще до появленія римлянъ въ Галліи, этотъ городъ былъ извѣстенъ въ странѣ подъ именемъ Ротомага и считался главнымъ городомъ Велокассевъ. Среди множества знаменитыхъ, древнихъ построекъ Руана, первое мѣсто занимаетъ соборъ (Notre Dame), построенный въ стилѣ XIII вѣка, посвященъ на себѣ слѣды зодчества различныхъ эпохъ вплоть до настоящаго столѣтія и представляющей, можетъ быть, противное законамъ изящнаго, но смѣлое и искусное сочетаніе готическаго стиля съ металлическими постройками повѣйшаго времени. На томъ мѣстѣ, гдѣ находится соборъ, уже въ концѣ III вѣка была построена церковь, исчезнувшая въ V вѣкѣ. Построенная вновь, она была свидѣтельницею насильственной смерти архіепископа Претекстата, умерщвленнаго въ самомъ храмѣ по приказанію Фредегонды. Съ тѣхъ поръ не мало бѣдствій пришлось пережить Руанскому собору. Гнѣвъ Божій какъ-бы тяготѣетъ надъ нимъ, и не проходитъ столѣтія чтобы пожаръ, ураганъ, буря или чума, въ своемъ неистовствѣ, не разрушала зданія. Отъ XVII вѣка въ храмѣ сохранилась только капелла Св. Дѣвы. Ужасная буря 1509 г. почти совсѣмъ уничтожила соборъ, который выстроенъ вновь въ 1530 г. Съ тѣхъ поръ главное зданіе сохранилось, хотя и пострадавъ отъ времени и людей, но и въ такомъ видѣ Руанскій соборъ производитъ сильное впечатлѣніе своимъ величіемъ и замѣчательными, но, къ сожалѣнію, почти наполовину разрушенными скульптурными украшеніями и статуями. Соборъ увѣнчанъ 3 башнями, изъ которыхъ средняя, надъ серединою церкви (Tour de Pierre), построена въ началѣ настоящаго вѣка изъ желѣза, на мѣстѣ разрушенной въ 1822 г., и достигаетъ высоты 70 сажень. Такимъ образомъ соборъ является однимъ изъ величайшихъ зданій въ мірѣ. Внутрен-

ность храма поражаетъ своею обширностью и гармоніею своихъ частей. Она освѣщается 3 розетками и 130 окнами, большею частью украшенными цѣною живописью на стеклѣ. Въ соборѣ находится среди другихъ достопримѣчательностей нѣсколько намогильныхъ памятниковъ, изъ которыхъ достоинъ вниманія великолѣпный памятникъ, работы Леру (около 1500 г.), воздвигнутый Діаной де-Шуатте своему супругу, Лудовику Брессе. Кромѣ того замѣчательны 2 главные мраморные алтари съ чудесными изваяніями Богоматери и Св. Цециліи и превосходный органъ.

Закаспійская желѣзная дорога. (Рис. на стр. 165).

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ центральной Азій безспорно является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашего времени. Русское правительство дало этимъ работамъ грандіозное развитіе и постройка Закаспійской дороги, конечно, займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи желѣзныхъ дорогъ; дорога эта строится съ такою быстротою, что оставляетъ далеко за собою все, что было сдѣлано по этой части въ Европѣ и, по всей вѣроятности, даже въ Америкѣ. Падло, между прочимъ, замѣтить, что эта линія, подвигающаяся при своей постройкѣ съ быстротою 4 версты ежедневно, проходитъ по пустынямъ, лишеннымъ всякихъ средствъ сообщенія и продовольствія. Первая часть дороги была начата въ 1880 г. отъ порта Михайловскаго, на Каспійскомъ морѣ, до деревни Гизиль-Арватъ, впереди оазиса Ахаль-Теке. Этотъ участокъ былъ длиною въ 217 версты. Послѣ покоренія Геокъ-Теке Скобелевымъ въ 1881 году и подчиненія Мерва русскому владычеству, было рѣшено продолжить дорогу далѣе въ глубь туркменскихъ степей, которая со временемъ она пересѣчетъ во всю ихъ длину. Къ продолженію дороги было приступлено въ іюнѣ 1885 г. подъ главнымъ заведываніемъ и наблюденіемъ генерала Анненкова. Отъ оазиса Ахаль-Теке, она проходитъ чрезъ Атекъ, на Теджкентъ, образуящее верхнее теченіе Герируда, протекающаго по Герату, и достигаетъ плодороднаго Мервскаго оазиса орошаемаго Мургабомъ. Знаменитый городъ Мервъ, такъ долго считавшійся недостижимымъ и бывшій чѣмъ-то въ родѣ символа независимости туркменскихъ степей, соединенъ теперь съ Каспійскимъ моремъ и отсюда, со всею Русскою землею. Дорога отъ Ахаль-Теке до Мерва, длиною въ 527 версты, была построена и вполнѣ готова для эксплуатаціи въ теченіе одного года. Послѣ 6-недѣльнаго отдыха, было вновь приступлено къ работамъ и въ ноябрѣ она была доведена, по несчастью пустынямъ, до Чарджуя, лежащаго на берегу Аму-Дарьи, на границѣ съ Бухарой. Отсюда дорога направляется далѣе и уже изысканія произведены до Самарканда. Тогда длина ея достигнетъ 1330 версты, начиная отъ Узунъ-Ада, исходной точки на Каспійскомъ морѣ. До іюня 1886 года, дорога начиналась отъ порта Михайловскаго, но вслѣдствіе незначительной глубины (всего 7 футовъ) и несазаного подвижнаго дна, была продолжена на 25 версты до острова Узунъ-Ада, гдѣ глубина достигаетъ 12 футовъ. Отъ этого мѣста до Самарканда на всемъ протяженіи пути будетъ расположено до 60 станцій, на разстояніи 20—30 версты одна отъ другой; большинство изъ нихъ, не лежащихъ посреди оазисовъ, построены въ совершенно пустынныхъ мѣстностяхъ, часто совершенно лишенныхъ воды. По дорогѣ попадаются разстоянія до 160 версты безъ воды, куда все необходимое доставляется желѣзно-дорожными поѣздами. Къ сожалѣнію, такъ какъ дорога построена съ военными цѣлями, на закаспійской линіи купцы и промышленники встрѣчаютъ не мало затрудненій по отпавкѣ грузовъ, вслѣдствіе высокаго тарифа и частыхъ недоразумѣній между отправителями и желѣзно-дорожною администраціею. Поэтому неудивительно, что, при существованіи болѣе удобнаго пути, товары отправляются на верблюдахъ и караваны успѣшно конкурируютъ съ желѣзною дорогою. Можно надѣяться, что это только вопросъ времени и Закаспійская дорога въ недалекомъ будущемъ принесетъ русской торговлѣ въ средней Азій тѣ же помощь и содѣйствіе, какія она оказала въ ней русскому оружію.

Первый изъ помѣщенныхъ на стр. 165 рисунковъ изображаетъ разрѣзъ нѣсколькихъ вагоновъ поѣзда, служащаго помѣщеніемъ для лицъ, занимающихся постройкою дороги. Этотъ подвижной лагерь состоитъ изъ 34 вагоновъ, двѣ трети которыхъ двухэтажные. Весь составъ работающихъ раздѣленъ на 2 сѣбны, изъ которыхъ каждая ежедневно проводитъ до 2 версты дороги. Необходимые для постройки матеріалы доставляются каждый вечеръ поѣздомъ въ составѣ 45 вагоновъ. На второмъ рисункѣ виденъ ходъ работы по проложенію пути.

Къ вопросу о Голубиной почтѣ.

Какимъ образомъ почтовые голуби находятъ дорогу домой?

Г. Х. Шнейдера.

О дѣятельности почтовыхъ голубей господствуетъ въ публикѣ совершенно превратное понятіе. Большинство непосвященныхъ думаютъ, что доставленіе голубими писемъ на далекія разстоянія производится безъ всякой предварительной подготовки.

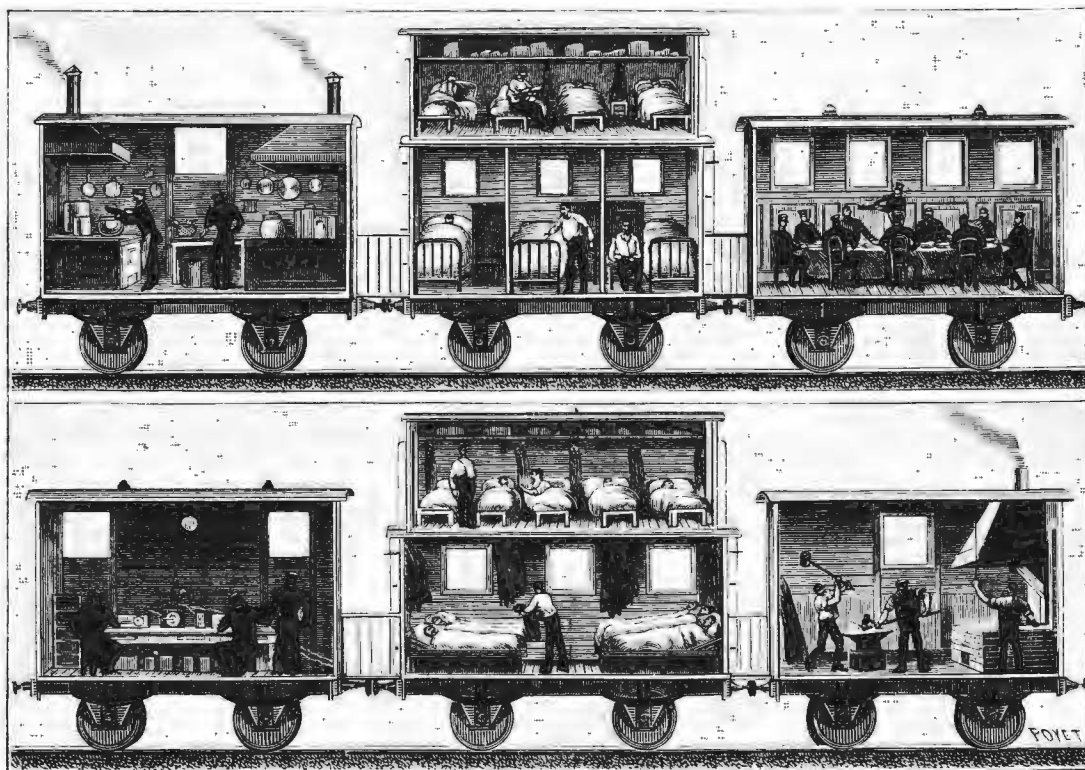
Мнѣ приходило даже слышать мнѣніе такого рода, что голубей можно *посылать*, но желанію, въ любой городъ, что, очевидно, совершенно невозможно.

Вся тайна голубиной почты заключается въ томъ, что го-

ствительно-ли голуби не могли сразу найти дороги домой или причина заключалась просто въ потребности движенія?

Опытный въ этомъ дѣлѣ владѣлецъ почтовыхъ голубей, Адольфъ Дитрихъ въ Пёсвекѣ, предполагалъ послѣднее, и ми-

женіи. Съ этою цѣлю я взялъ голубей рано утромъ изъ голубятни и при ясной погодѣ выпустилъ ихъ на Опицкой гипсовой горѣ, въ разстояніи всего 3 километровъ отъ голубятни, и въ такомъ пунктѣ, съ котораго они могли видѣть только сѣверо-

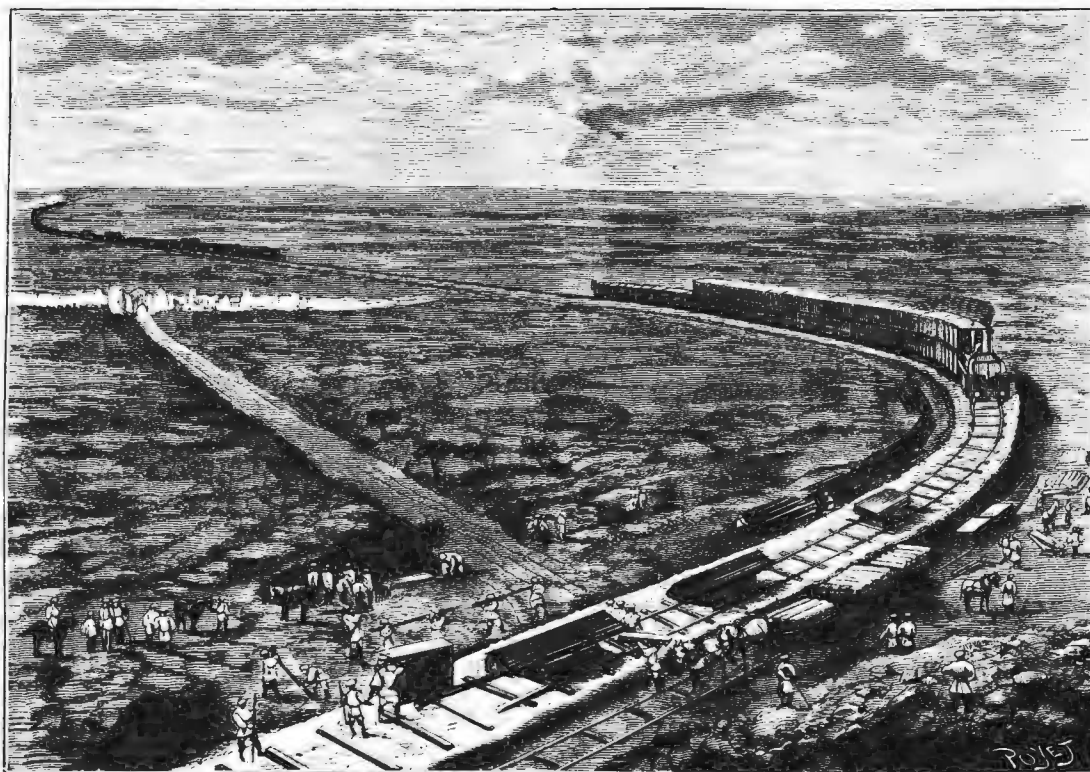

Занаспійская желѣзная дорога. Разрѣзъ важнѣйшихъ вагоновъ.

не его повидимому подтверждалось однимъ обстоятельствомъ, которое я приведу сейчасъ. А именно, при первыхъ опытахъ я бралъ голубей послѣ обѣда, когда они успѣли побывать въ полѣ и удовлетворить свою потребность движенія; при послѣд-

западную часть города, между тѣмъ какъ остальная часть была закрыта Опицкою скалистою горой.

Надо замѣтить, что голуби болѣе склонны къ полетамъ для прогулки находись вблизи отъ дома, чѣмъ когда окрестности

Занаспійская желѣзная дорога. Выгрузка рельсъ и другихъ матеріаловъ при устройствѣ желѣзной дороги.

немъ, напротивъ того, птицы были взяты изъ голубятни рано утромъ, не успѣвъ еще полетать въ этотъ день.

Оставалось сдѣлать противоположный опытъ, чтобы убѣдиться имѣтъ-ли дѣйствительно какое-либо значеніе потребность дви-

женія. Слѣдовательно, при данномъ опытѣ голуби должны были, зная что находится вблизи дома и не испытывая чувства безпокойства, удовлетворить съ особенною охотой свою потребность движенія.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

г. XIX
1888

XIX г.
№ 10

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 5 марта 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1888 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 4 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.
За границу, съ перес. 8 р.
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи
на 1888 годъ просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея 60 коп.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.
При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1888 г., съ 34 гравюрами и отд. листъ съ 30 чертеж.
выкроекъ въ натур. величину и 31 рис. выпильныхъ работъ.

Генер.-лейтенантъ В. Д. Косинскій.

Имя это, съ 1883 г.,
извѣстно всей русской
арміи, благодаря состав-
ленному Косинскимъ
„Систематическому сбор-
нику приказовъ по воен-
ному вѣдомству и цирку-
ляровъ Главнаго Штаба
съ 1 января 1869 года
по 1 октября 1882“.
Сборникъ былъ рас-
купленъ нарасхватъ и
въ началѣ 1887 г. по-
явился вторымъ изданіе-
мъ, въ которое вошли
всѣ четыре дополненія,
появившіяся ежегодно
съ 1883—87 гг.

Для людей военныхъ
не требовалось-бы ни-
какихъ поясненій: до-
статочно было-бы ска-
зать: „В. Д. Косин-
скій, составитель Сис-
тематическаго сборника“,
не упоминая даже ка-
кого; но остальной чи-
тающей публикѣ необ-
ходимо пояснить при-
чину популярности по-
мянутаго сборника.

До его появленія,
справки въ военныхъ
законахъ были сопря-
жены съ такими труд-
ностями, что въ нихъ
могли ориентироваться
только опытные военно-

Генераль-лейтенантъ В. Д. Косинскій. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

канцелярскіе дѣльцы,
да и то каждый по ча-
сти своей отрасли дѣ-
лопроизводства. Дѣло въ
томъ, что у насъ до
сихъ поръ дѣйствуютъ
одновременно два сво-
да военныхъ постанов-
леній—разныхъ системъ:
новый сводъ, системы
1869 г., далеко не весь
вышелъ, а вслѣдствіе
этого старый сводъ 1859
года нельзя весь изъ-
ять изъ употребленія.
Составленіе „продолже-
ній“ къ старому своду
1859 г. (т. е. системати-
ческихъ сборниковъ из-
мѣненій и дополненій
къ законамъ) было при-
остановлено съ 1869 г.,
въ расчетъ на скорое
изданіе полнаго свода
новой системы; а за-
тѣмъ, когда стало оче-
видно, что этотъ раз-
счетъ не оправдается—
накопилась такая мас-
са новыхъ законовъ, что
приведеніе ихъ въ си-
стему, по установлен-
ной формѣ, не могло
быть до настоящаго вре-
мени исполнено Глав-
нымъ Военно-Кодифи-
каціоннымъ Комите-
томъ, заваленнымъ те-
кущими занятіями по
законодательной части.
Генераль Косинскій,
одинъ, безъ всякой по-

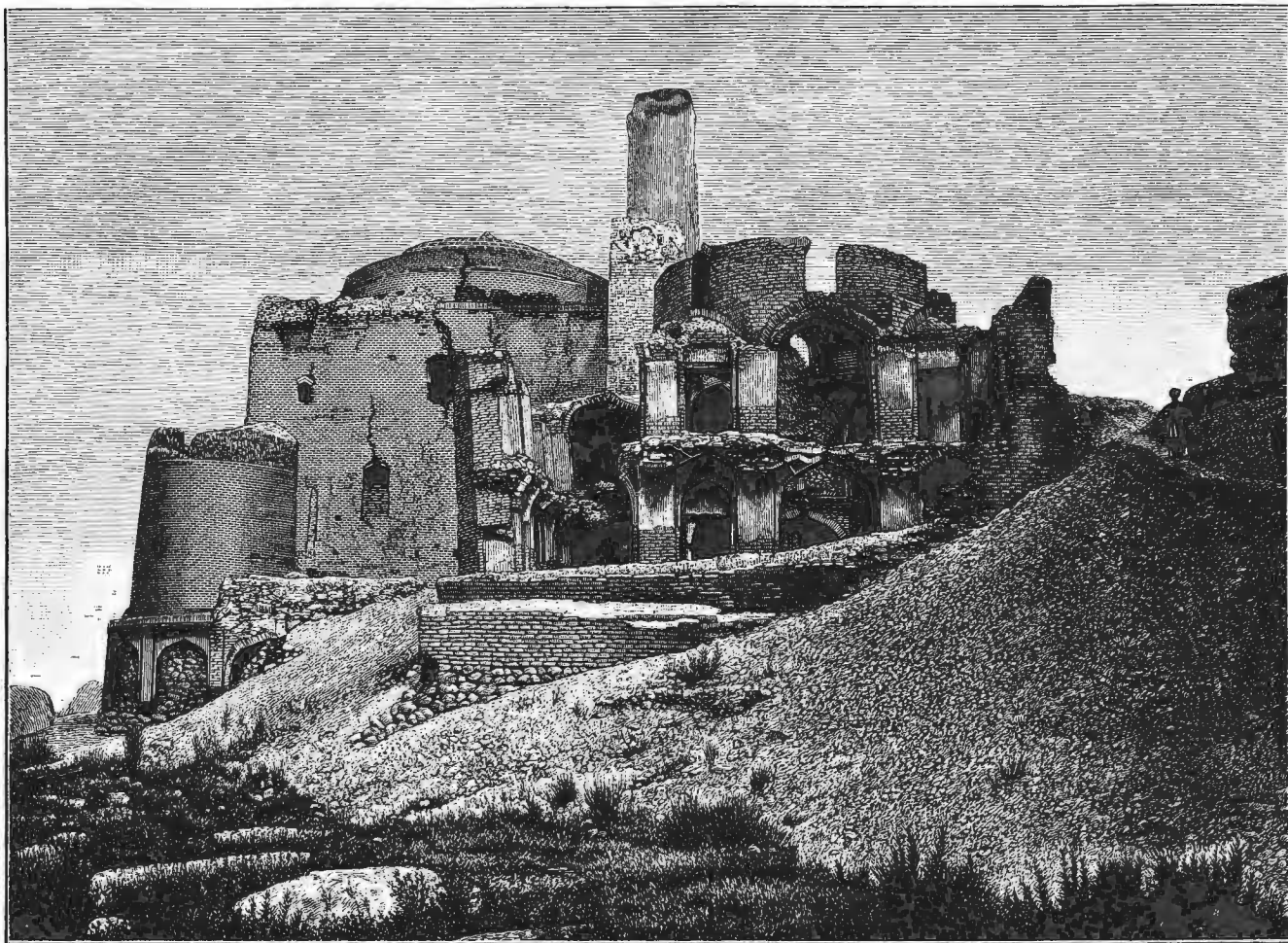
Къ рисункамъ.

Петръ II въ Петергофѣ. (Рис. на стр. 252).

6 мая 1727 года, супруга Петра Великаго, императрица Екатерина I Алексѣевна скончалась и сильнѣйшій временщикъ ея царствованія, знаменитый князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, сталъ во главѣ партіи, которая рѣшилась возвести на престолъ внука Петра Великаго, 12-ти-лѣтняго Петра II Алексѣевича. 7 мая, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ прочтено было при торжественномъ собраніи важнѣйшихъ вельможъ завѣщаніе покойной императрицы, въ которомъ юный великій князь именовался „сукцессоромъ со всѣми правами и прерогативами“. Подъ рукою ходили слухи, что все завѣщаніе было дѣломъ рукъ всесильнаго Меншикова, которому пріятнѣе было видѣть на престолѣ императора-отрока, нежели одну изъ

Сверхъ этихъ предметовъ предполагалось еще обучать императора двумъ новѣйшимъ языкамъ, такъ какъ съ латинскимъ онъ уже успѣлъ ознакомиться въ дѣтствѣ, отъ перваго своего учителя, настолько, что могъ съ Остерманомъ переписываться по-латыни. Выработку программы Закона Божія принялъ на себя знаменитый проповѣдникъ Петровскаго времени Теофанъ Прокоповичъ. Въ общемъ планъ воспитанія не были забыты и забавы: „концертъ музыкаскій, стрѣльба, игра подъ названіемъ *валлантиншпилъ* (нѣчто въ родѣ примѣрнаго боя), бильярдъ и ловы на острову“. Сохранилась любопытная записка, подписанная самимъ Петромъ II, въ которой онъ, распредѣляя занятія свои по днямъ недѣли, удѣляетъ болѣе всего времени „обученію солдатъ“ и „охотѣ съ птицами и собаками въ полѣ“.

Но не прошло и полугода, какъ Меншиковъ палъ. Враги

Закаспійская область. Развалины персидской крѣпости въ Анау. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

взрослыхъ дочерей Петра или одну изъ его племянницъ; но все же, всѣ были очень рады вступленію на престолъ наслѣдника „отъ Петрова корени“.

Юный императоръ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, былъ перевезенъ Меншиковымъ на Васильевскій островъ, въ роскошныя Меншиковскія палаты (нынѣ домъ 1 кадетскаго корпуса) и тамъ поселенъ подъ ближайшимъ надзоромъ всемогущаго временщика, который присвоилъ себѣ званіе правителя и постыжился воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы породниться съ царскимъ семействомъ. Уже 25 мая было объявлено о томъ, что царственный отрокъ обрученъ съ дочерью Меншикова, княжною Марією Александровною, которая была ровно на четыре года старше своего жениха. Первою заботою тестя императора было подысканіе такого человѣка, который по уму, способностямъ и образованію могъ бы быть достоинъ высокаго назначенія воспитателемъ Петра II. Выборъ временщика палъ на хитраго и дальновиднаго Остермана, котораго онъ считалъ вполне для себя безвреднымъ и полезнымъ для будущаго властелина Россіи. Былъ выработанъ строгій планъ преподаванія важнѣйшихъ предметовъ, заключавшійся, главнымъ образомъ, въ изученіи исторіи древней и новой, географіи „по глобусу и по ландкартамъ“ и „математическихъ операций по ариметикѣ и геометріи“. При изученіи исторіи предполагалось „особливо добродѣтели правителей древнихъ съ вослѣдовавшими потомъ пользою и славою представлять“.

временщика очень ловко сумѣли вооружить юнаго императора противъ его будущаго тестя и покорить отрока своей волѣ. Вся власть перешла въ руки Долгорукихъ. Главную силу при дворѣ забралъ князь Алексѣй Долгорукій. Его сынъ, Иванъ Алексѣевичъ, ловкій и красивый юноша, очаровалъ юнаго императора и сдѣлался любимцемъ, съ которымъ тотъ почти не разлучался. Вліяніе Долгорукихъ пагубно подѣйствовало на Петра: онъ бросилъ ученіе и совершенно предался любимымъ забавамъ. Охота, катанье верхомъ, дальнія прогулки съ веселыми товарищами и сверстниками и шумные пиры съ разнаго рода забавами и потѣхами — совершенно вскружили голову юношѣ. Онъ почти не замѣтилъ, какъ изъ-подъ опеки Меншикова попалъ подъ еще болѣе несносную и болѣе своекорыстную опеку Долгорукихъ. Мало-по-малу, юный императоръ отдалилъ отъ себя и Остермана, и всѣхъ другихъ вельможъ, и почти все время проводилъ въ семьѣ Долгорукихъ, гдѣ пышно расцвѣтали двѣ красавицы-дочери. Князь Алексѣй одну изъ нихъ прочилъ въ невѣсты юному императору; и дѣйствительно, добился этого впоследствии. 9 января 1728 года Петръ II со всѣмъ дворомъ отпраздновалъ на коронацію въ Москву и бѣлокаменную такъ ему полюбилась, что онъ не хотѣлъ возвращаться въ Петербургъ и послѣ коронаціи. Праздники, охота, балы, карусели — непрерывно слѣдовали одни за другими. Долгорукіе старались всѣхъ, не только вельможъ, но и родныхъ отдалить отъ юнаго царя и ни съ кѣмъ не давали ему говорить наединѣ. Иногда они

увозили его изъ Москвы на охоту въ свои помѣстья и Петръ проводилъ нѣсколько недѣль въ отсутствіи, не заглядывая въ столицу. Послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ было объявлено о томъ, что государь женится на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. 30 ноября 1729 года происходило торжественное обрученіе; а пять недѣль спустя, простудившись на Крещенскомъ парадѣ, при водоосвященіи на Москвитинѣ, юный императоръ заболѣлъ оспой. Болѣзнь пошла такъ быстро, что уже на 10-й день не было никакой надежды, и въ ночь на 19 января 1730 г., императора не стало.

Извѣстный художникъ нашъ, проф. Шарлеманъ избралъ предметомъ своей картины одну изъ тѣхъ блестящихъ прогулокъ по обширному Петергофскому парку, который такъ любилъ юный императоръ. Вотъ онъ лихо мчится на рѣзвѣмъ скакунѣ, перескакивая канавы и рытвины. Около него несутся его любимыя собаки. Направо, красивымъ курць-галопомъ възвиздаетъ на мостъ его будущая цѣлѣба, красавица-княжна, Екатерина Алексѣевна Долгорукая, а далѣе, за нею слѣдомъ, зорко за всѣмъ наблюдая, ѣдетъ отецъ княжны. На заднемъ планѣ, роскошная коляска, въ которой ѣдетъ княгиня Долгорукая съ другою дочерью. Коляска окружена блестящею конною свитою, которая оглашаетъ веселыми криками, смѣхомъ и говоромъ, и звонкимъ топотомъ коней молчаливыя и тѣнистыя сѣни Петергофскаго парка.

Репетиція маскарада. (Рис. на стр. 253).

Въ уютномъ уголкѣ роскошнаго будуара, семья или тѣсный кружокъ друзей готовится на костюмированный балъ: какихъ только нѣтъ здѣсь нарядовъ: вотъ на правой сторонѣ усердно гриммуется двугорбый пульчинель; неразлучный товарищъ его, шерро, какъ бы осыпая длинными рукавами хорошеющего пажа, котораго полъ впрочемъ отнюдь не замаскированъ, не смотря на всю сложность средневѣковаго наряда. На лѣвой сторонѣ черноволосая гитана (цыганка) и напудренная маркиза вмѣстѣ со своимъ чопорнымъ супругомъ любуются будущими сподвижниками...

Со сна. (Рис. на стр. 257).

Проспуться-то она проснулась, но такая лѣнь еще, такъ не хочется умываться, чesаться, одѣваться, право, хоть бы опять поспать въ теплую постельку... Вотъ моментъ граціозно переданный на картинѣ талантливаго французскаго художника. Фредерикъ Цуберъ-Юлеръ родился въ Локлѣ (швейцарскій кантонъ Нёматаль), переселился въ Парижъ и учился живописи у Инко и своего земляка Гроклда. Его жанровыя картины, а также мнѳологическіе сюжеты отличаются превосходною техникой.

Охотничьи силуэты. Проф. Сверчкова.

(Рис. на стр. 260 и 261).

Прилагаемые силуэты нашего знаменитаго живописца коней и охотничьихъ сценъ изображаютъ одинъ изъ эпизодовъ песовой охоты—травлю волка—съ самаго ея начала до заключительной сцены. Вотъ охотники съ борзыми на сворахъ занимаютъ мѣста--лазы--на которыя по всей вѣроятности будетъ выгнанъ звѣрь гончими. Рядомъ изображена такъ-называемая густоцовая борзая собака, отличающаяся волнистою шерстью (шерстью на ногахъ и хвостѣ). Слѣдующій рядъ силуэтовъ открывается фигурой матегаго волка, котораго порядкомъ-таки уже загнали гончія по лѣсамъ и буеракамъ. Поджидая хвостъ и высунувъ языкъ, онъ не смѣла удирать отъ нихъ рысцой, значительно опередивъ ихъ сначала вскачь. Но вотъ его почували борзые, возрились охотники—ату его! ату его! и пошла потѣха. Послѣ двухъ или трехъ угонокъ, борзые взяли волка, притиснули его къ землѣ, и добѣжачій, соскочивъ съ лошади, кинулся на звѣря плашми, схватилъ его за уши и держитъ, поджидая товарища, чтобы съ его помощью *сострунить*, т. е. взять волка живьемъ, связавъ его. Въ заключеніе охоты рейт-кнехтъ вываживаетъ утомленнаго коня.

Развалины персидской мечети и крѣпости въ

Анау. (Рис. на стр. 264 и 269).

Развалины персидской мечети въ Анау, въ 15 верстахъ отъ Ахабада, представляютъ въ настоящее время одинъ изъ немногихъ сохранившихся памятниковъ былой культуры народа, обитавшаго въ Закаспійской области нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Эти развалины какъ бы служатъ историческимъ документомъ, освѣщающимъ исторію происхожденія племени, нынѣ извѣстнаго подъ именемъ Ахаль-Текинскаго. Сюда издревле стекались различные бѣглецы: тотъ, кого ужъ больно прижала судьба, уходилъ въ пески; бѣжалъ туда хивинецъ, бухарецъ, афганецъ, рабъ и узбекъ (князь), преступникъ, избѣгающій кары, и несчастный, не вынесшій рабской доли. Все это бѣжало въ пустыню, рѣшивъ перенести всѣ невзгоды, подвергаться опасностямъ, лишь бы отстоять свою независимость. Безспорно, многіе бѣглецы и погибли, застигнутые ураганомъ, погребенные несочными заносами, но многіе и спасались, мало-по-малу силачиваясь, составляли шайки, средствомъ для жизни которыхъ служили аламы (набѣги съ цѣлью грабежа), на мирныхъ персовъ, обитавшихъ у подножія Конетъ-Дага и занимавшихся земледѣліемъ, нѣсколько позволяла мало-плодородная почва. Шайки эти, не имѣя сперва строгой организаціи, не зная старшинства одного надъ другимъ, принимали въ свой составъ всякаго безъ отказа, требуя лишь, подобно запорожцамъ, удалы и молодечества; здѣсь были всѣ равны: и бывшій рабъ, и богатый узбекъ (князь), и цѣпились лишь по заслугамъ, оказаннымъ въ походахъ. Вскорѣ суровая природа и безплодіе песковъ, не давая возможности обитать въ нихъ и дѣлать быстрые переходы въ набѣгахъ, понудили молодое племя передвинуться къ югу. Они покорили обитавшихъ тамъ персовъ, разрушили ихъ города и затѣмъ сѣлись съ ними въ одно цѣлое, образуя такъимъ образомъ ту народность, которую мы видимъ теперь въ оазисѣ, и которая въ то время получила впервые названіе „ахаль-теке“, что значитъ „новое племя“. Переселеніе и окончательное формироаніе племени совершилось, какъ надо полагать, лѣтъ триста тому назадъ, подтвержденіемъ чему служатъ развалины персидской мечети въ Анау, разрушенной текинцами при нашествіи. Мечеть эта, какъ гласитъ сохранившаяся персидская надпись на мраморной доскѣ, вѣдланной въ стѣну, была возобновлена, по нашему счисленію, 375 лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно въ то время текинцы не могли владѣть еще этою полоскою, а завладѣли ею позже.

Мечеть эта расположена внутри Анауской крѣпости, нынѣ представляющей также развалины, на высокомъ холмѣ. Высота 28 саж., шириною съ придѣлами 17½ саж.; сложена изъ замѣчательно крѣпкаго кирпича, въ родѣ нашего межирицкаго (по величинѣ) съ тою только разницею, что онъ представляетъ плотную лакированную массу съ почти незамѣтными порами. Весь фронтъ мечети испещренъ изразцами и изрѣченіями изъ корана; какъ первые, такъ и вторые выложены глазурью. Плита пола каменная; въ правомъ и лѣвомъ придѣлахъ уцѣлѣли жертвенники, причемъ въ подвалѣ сохранилась еще до настоящаго времени грудъ турскихъ роговъ, еще 300 лѣтъ тому назадъ приносимыхъ въ жертву. Посрединѣ же залы съ купола спускается большая желѣзная цѣпь, придерживавшая нѣкогда лампаду; цѣпь эта, какъ говорятъ, виситъ около 600 лѣтъ. Въ настоящее время развалины эти окружены пяти-футовою глинобитною стѣной; при нихъ имѣется сторожъ—старикъ-текинецъ, давно уже присматривающій за могилы народнаго богатыря Али, находящагося внутри ограды.

Развалины персидской крѣпости въ Анау сложены изъ саманнаго кирпича, т. е. кирпича съ примѣсью самана (разновидность клевера), и смазаны глиною, стоятъ около 500 лѣтъ. Крѣпость эта была разрушена текинцами, при покореніи культурной полосы лѣтъ двѣсти тому назадъ.

Крокодилъ и пеликанъ. (Рис. на стр. 268).

Всякій бывавшій въ Египтѣ или Сѣверной Африкѣ конечно дивился безчисленному множеству пеликановъ, оживляющихъ тамошнія воды и часто посѣщающихъ въ воздухѣ стаями въ нѣсколько сотъ штукъ. На всемъ протяженіи Нила, далеко за Хартумъ, на приморскихъ озерахъ Египта, какъ и на громаднѣхъ экваторіальныхъ озерахъ Внутренней Африки, пеликанъ (*Pelecanus onocrotalus*) или баба-птица—преобладающій и самый характеристичный представитель пернатаго міра, населяющаго берега неглубокихъ водъ, преимущественно на отмеляхъ. Дѣло въ томъ, что пеликанъ, величайшая изъ плавающихъ птицъ, превосходно плаваетъ, но нырять не можетъ, а потому, не смотря на свою прожорливость, вынужденъ ловить добычу своими безобразнымъ клювомъ лишь въ мелкой водѣ и слѣдовательно часто перелетаетъ съ мѣста на мѣсто. Людямъ пеликанъ не доставляетъ ни пользы, ни вреда (если не считать истребленія дыбы, которую онъ изводитъ въ значительныхъ количествахъ), а потому человекъ рѣдко преслѣдуетъ его. Въслѣдствіе этого пеликанъ вовсе не пугливъ, не слетаетъ завидя человека и въ гаваняхъ Краснаго моря до того сживается съ людьми, что позволяетъ матросамъ кормить себя своей тяжелой походкой, въ перевалочку, преспокойно расхаживаетъ между гуляющими. Когда-же раздастся выстрѣлъ, пеликаны тотчасъ чувтъ опасность и шумно хлопая крыльями улетаютъ. Впрочемъ, это рѣдко случается, такъ какъ для мусульманъ пеликанъ священная птица. Коранъ защищаетъ ее отъ преслѣдованій, благодаря слѣдующей легендѣ. Когда при постройкѣ Каабы въ Меккѣ надо было возить воду издалека и каменщики часто принуждены были останавливать работу, Аллахъ повелѣлъ пеликанамъ носить рабочимъ воду въ своихъ подклюныхъ мѣшкахъ, что они и исполнили, слетаясь тысячами. Одинъ только крокодилъ частенько подкрадывается къ пеликанамъ сидящимъ въ гнѣздѣ, и благодаря туному обилию этихъ птицъ, которыя не чувтъ противно-искуснаго запаха громадной ящерицы, не рѣдко захватываетъ ихъ врасплохъ, какъ изображено на нашемъ рисункѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ХІХ г. № 11 г. ХІХ 1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 13 марта 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1888 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарелль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 75 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петер-
бургъ 4 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.
За границу, съ перес. 8 р.
*) Въ виду измѣнившихся почтовыхъ правилъ,
а также увеличенныхъ размѣровъ главной преміи
на 1888 годъ просимъ гг. подписчиковъ выслать
на укупорку и пересылку ея 60 коп.

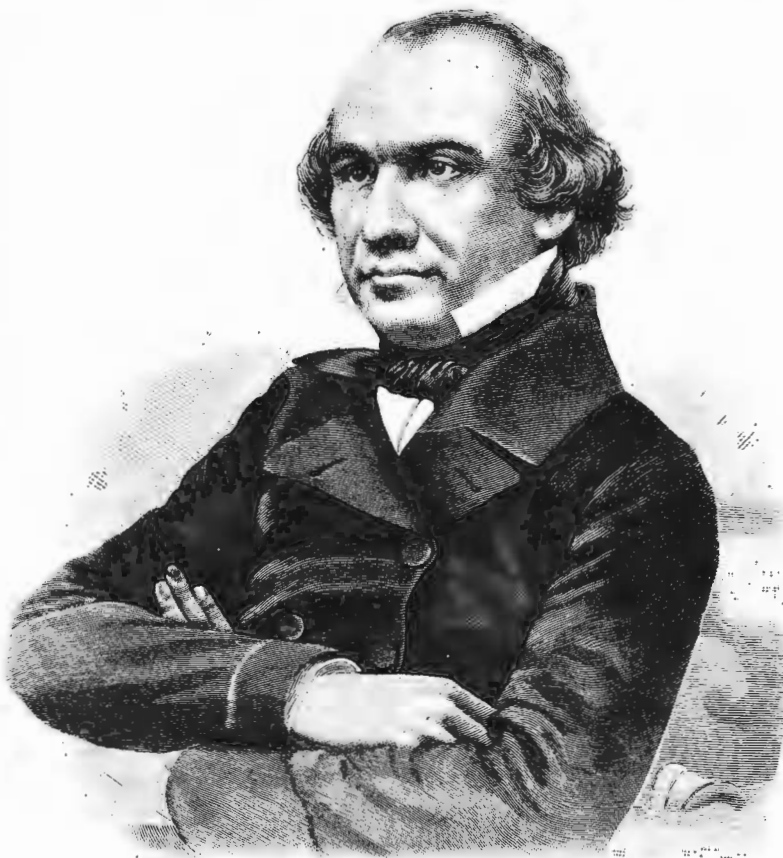
ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1888 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Т. Н. Грановскій.

Есть разные герои; одни, во имя любви къ отечеству, безкорыстно и доблестно проливаютъ за него свою кровь на полѣ брани и умираютъ славною смертію; другіе, во имя той-же любви къ родинѣ, въ силу сознанія долга, отдають всѣ свои способности и силы, весь умъ и душу на служеніе дѣлу просвѣщенія. Они свято хранятъ въ своихъ сердцахъ пламя лучшихъ человѣческихъ вѣрованій, и не взираетъ ни на какія препятствія, твердо идя къ избранной цѣли, бережно проносясь свѣтильникомъ науки и знанія въ окружающемъ непріязненномъ мракѣ. Къ числу такихъ дѣятелей принадлежалъ и Тимоѣей Николаевичъ Грановскій, профессоръ Московскаго университета, извѣстный своими учеными трудами и горячею любовью къ наукѣ, человѣкъ необыкновенно симпатичный, одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которыхъ, — какъ говоритъ профессоръ Соловьевъ — встрѣтись съ ними разъ, нельзя забыть, — сошедшись съ которыми, тя-

Т. Н. Грановскій (по поводу 75-ой годовщины его рожденія). Съ современнаго портрета, грав. Шюблеръ.

жело разстаться. Онъ обладалъ тайной покорять сердца и имѣть сильное и обширное вліяніе на людей, — и разгадка этой тайны заключалась въ самой личности Грановскаго. Чуждый всякаго честолюбія, не любя тщеславія и лести, онъ отличался необыкновенною скромностію, былъ кротокъ и уступчивъ всегда, если дѣло не касалось его убѣжденій, которыя берегъ онъ какъ зеницу ока, не поступаясь ими ни для самыхъ близкихъ друзей; ложь была ему ненавистна и всякую несправедливость, несмотря на свой добрый, незлобивый характеръ, онъ преслѣдовалъ безъ малѣйшей пощадки. Его сердце, ощущавшее потребность чистой, святой любви, способно было горячо привязаться къ человѣку; ради этой любви, онъ готовъ былъ принести всякія жертвы, считалъ ихъ дѣломъ самымъ естественнымъ. „Отъ него, по словамъ Тургенева, вѣяло чѣмъ-то возвышенно чистымъ; ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденіями, не доводами, а собственною душевною кра-

Абдуррахманъ-Автобачи. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Н. Каразина, грав. Шюблеръ.

Первые христианские мученики в Киевѣ.

(Рис. на стр. 285).

Девять вѣковъ царить свѣтъ христіанства въ Россіи. Девять вѣковъ тому назадъ совершилось одно изъ величайшихъ событий въ исторіи нашей родины — крещеніе Руси. Произошло оно въ княженіе Св. Владиміра, котораго церковь православная именуетъ Равноапостольнымъ. Въ началѣ же правленія этого князя на Руси господствовалъ глубокий мракъ язычества, доживавшаго свои послѣдніе годы. Всѣ попытки поднять его, все рвеніе въ борьбѣ съ христіанствомъ, подавлявшимъ его своимъ величіемъ, только пуще выказывали несостоятельность безсодержательнаго язычества.

Къ этому печальному времени и относится событіе, изображенное на стр. 285. Вотъ что мы читаемъ о немъ въ исторіи Россіи С. Соловьева (т. I, стр. 160): Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на Итвяговъ, возвратился въ Киевъ, и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: „кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того принесемъ въ жертву богамъ“. Въ это время жилъ въ Киевѣ одинъ Варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сыпъ, прекрасный лицомъ и душою; на этого-то молодца Варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа (объ участіи князя не говорится ни слова) пришли къ старому Варягу и сказали ему: „палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его къ себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву“. Варягъ отвѣчалъ: „у васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниетъ, не дѣять, не пьютъ, не говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ Греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами сдѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!“ Посланные разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: „дай сына своего богамъ“. Онъ отвѣчалъ: „если они боги, то пусть попишутъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?“ Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ Варягамъ, подекла подъ ними сѣни и убила ихъ. Несмотря на то, что смѣлый Варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, язычества, событіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно наругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: „ваши боги дерево; Богъ одинъ, Которому кланяются Греки, Который сотворилъ все, — и безовѣтны стояли кумиры Владиміра передъ этими словами...“ Варягъ Феодоръ и сынъ его Іоаннъ были первые мученики христіанства въ языческомъ Киевѣ. Церковь наша причла ихъ къ лику Святыхъ.

I. фонъ-Эйхендорфъ. (Портр. на стр. 288).

Въ числѣ представителей Германской лирики одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ баронъ Эйхендорфъ, со дня рожденія котораго нынѣ минуло ровно сто лѣтъ. Весьма симпатичный, даровитый поэтъ, онъ принадлежитъ къ романтическому періоду въ нѣмецкой литературѣ повѣйнаго времени и давно прозванъ „послѣднимъ рыцаремъ романтизма“.

Баронъ Іосифъ-Карлъ-Бенедиктъ Эйхендорфъ родился 10 марта 1788 года, въ Верхней Силезіи, въ родовомъ своемъ помѣстьѣ Любонницѣ, близъ Ратибора. Первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ учился въ Бреславльской католической гимназій, откуда поступилъ въ 1805 году въ университетъ города Галле, избравъ своею спеціальностью юридическія науки. Онъ продолжалъ изученіе въ Гейдельбергскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1807 году. Будучи студентомъ, онъ очень сблизился съ поэтами Морицомъ Аридтомъ, нѣвцомъ войны за независимость, и Кингентомъ Брентано, оригинальнымъ романтикомъ, которые имѣли не малое вліяніе, особенно послѣдній, на развитіе и міросозерцаніе Эйхендорфа. Побывавъ, по окончаніи университета, въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, гдѣ позна-

комился съ Фридрихомъ Шлегелемъ, онъ, въ февралѣ 1813 г., поступилъ въ военную службу, рядовымъ прусской арміи, мѣсяцевъ восемь спустя произведенъ въ офицеры и въ 1815 году, послѣ битвы подъ Ватерлоо и возстановленія Бурбонской династіи на французскомъ престолѣ, вышелъ въ отставку и вернулся въ Германію. Послѣ этого онъ служилъ въ гражданской службѣ, въ 1821 году совѣтникомъ въ Данцигѣ, 1824—въ Кёнигсбергѣ, 1830—въ Берлинѣ при католическомъ отдѣленіи министерства духовныхъ дѣлъ и въ 1844 году оставилъ службу, проживъ лѣтъ пятнадцать въ кругу семейства своей дочери. Онъ скончался 26 ноября 1857 года, въ Нейссе. Свое литературное поприще Эйхендорфъ началъ стихотвореніями, печатавшимися въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, подъ псевдонимомъ *Флоренсъ*. Окончивъ военное поприще въ 1815 году, онъ издалъ свой первый романъ „Предчувствіе и дѣйствительность“, съ предисловіемъ извѣстнаго автора поэмы „Удидна“ Де-ла-Моттъ-Фука. Этотъ романъ „*Ahnung und Gegenwart*“ имѣлъ успѣхъ, но лучшимъ произведеніемъ Эйхендорфа считается повѣсть „*Aus dem Tagebuch eines Taugenichts*“, изданная въ 1824 году. Кромѣ этой повѣсти и стихотвореній, выдержавшихъ много изданій, Эйхендорфъ написалъ повѣсти: „Мраморная статуя“, „Поэтъ и его подмастерье“, „Много шуму изъ ничего“, „Замокъ Дюронде“, „Рыцарь-счастливецъ“ и „Похищеніе“, нѣсколько драматическихъ пьесъ, перевелъ много драмъ Кальдерона и напечаталъ три критическія этюда о нѣмецкомъ романѣ. Всѣ его оригинальныя произведенія и въ стихотворной, и въ повѣствовательной формѣ, и въ драматической проникнуты одной и той-же мыслью, выискиваютъ одинъ и тотъ-же идеалъ и отличаются субъективностью, лиризмомъ, католицизмомъ и сѣбѣестью чувствъ.

Абдуррахманъ Автобачи. (Рис. на стр. 289).

Извѣстный борецъ за независимость Ферганы (Кокандскаго ханства) — суровый противникъ Кауфмана, а потомъ Скобелева, вождемъ народныхъ ополченій организованныхъ послѣ разбитія главныхъ арій эмира Худойр-хана, уже нашего плѣнника, Абдуррахманъ-Автобачи былъ также захваченъ въ плѣнъ, но послѣ годовой борьбы съ отрядами Скобелева. Въ 1875 году, онъ былъ привезенъ въ Москву, потомъ поселенъ въ Оренбургѣ, наконецъ, отпущенъ съ почетомъ на свободу, и вскорѣ умеръ на родинѣ. Герой народныхъ пѣсенъ и легендъ, сложившихся, конечно, уже въ послѣднее время, ибо Абдуррахманъ до завоеванія Кокана былъ обыкновенный юсъ-баша, сотникъ коннаго кокандскаго войска, и ничѣмъ особеннымъ въ государственной дѣятельности не выдавался.

Изъ Лифляндіи. (Рис. на стр. 292).

Въ числѣ прибалтійскихъ губерній Лифляндія занимаетъ первое мѣсто по своей красотѣ и количеству старинныхъ замковъ. Если вамъ придется ѣхать отъ Дерпта до Риги, то вы несомнѣнно замѣтите разницу какъ въ поверхности почвы, такъ и въ растительности. Чѣмъ ближе къ Ригѣ, тѣмъ поверхность Лифляндіи становится все гористѣе и красивѣе; хвойныя деревья замѣняются листвою, и природа, вообще, принимаетъ другой видъ. Самая красивая часть Лифляндіи находится на разстояніи пяти часовъ ѣзды отъ Риги и вполне справедливо названа Лифляндскою Швейцаріей. Здѣсь три красивѣйшіе замка: Тройденъ, Крымонъ и Зегиволтъ, живописно расположены на самыхъ вершинахъ горъ, круто спускающихся къ раздѣляющей ихъ рѣкѣ Аа. Въ Крымонѣ устроена гостиница, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники и художники на все лѣто.

Самый старый замокъ Ливонскаго ордена находится въ Венденѣ въ семидесяти-пяти верстахъ отъ Риги. Замокъ этотъ на разстояніи восьми верстъ соединенъ съ другимъ замкомъ посредствомъ подземныхъ ходовъ. Окруженъ онъ старымъ паркомъ; въ паркѣ озеро и весело бьющій фонтанъ. Тутъ-же, около парка, русская и лютеранская церкви. Жаль только, что въ послѣднее время, красивые національные костюмы латышей стали замѣняться какими-то сѣрыми куртками, что отнюдь не оживляетъ пейзажа.

Еще годъ—строющаяся здѣсь желѣзная дорога будетъ окончена, и Лифляндія, съ каждымъ годомъ, будетъ все больше и больше посѣщаться туристами, художниками и путешественниками.

Изъ Эйхендорфа.

I.

Казалось, небо передъ сномъ
Поцѣловало землю нѣжно,
Чтобъ только грезилъ о немъ
Она средь ночи безмятежной...
Вечерній, теплый вѣтерокъ
Лѣтливо гналъ по жатвѣ волны,
Шептались травы... Былъ глубоки
Лазурный сводъ, звѣздами полный...

И въ этотъ часъ душа моя,
Взмахнувъ могучими крылами,
Песнѣ въ родные ей края
Надъ мирно спавшими долами.

II.

Повита сумракомъ земля,
Долина, лѣсъ, — все миромъ дышетъ,
Въ дремотѣ сладостной поля --
И вѣтеръ жатвы не колышетъ.

Чу! Громкій, мѣрный бой часовъ
Донесся издали... Вадрогнула,
Затренила лавъ,—и вновь,
Забывъ сонугъ, глаза сомкнула...
Сосновый, горный лѣсъ гудѣтъ,
Верхушки чуткія пригнувши:
То по горамъ Господь грядетъ,
Благословляя край уснувшій.

П. Быкъсъ.

XXI г.
№ 48

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 1 декабря 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
------------------------------------	-------------	-------------------------------	-------------------	--	-------------	---	-------------	---------------------	--------------

Подписчики „Нивы“ на 1891 г. получать, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, разсказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр., въ форматъ „Сборника“ разосланнаго при № 43 „Нивы“ на 1890 г. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будетъ заключаться

полное собраніе сочиненій

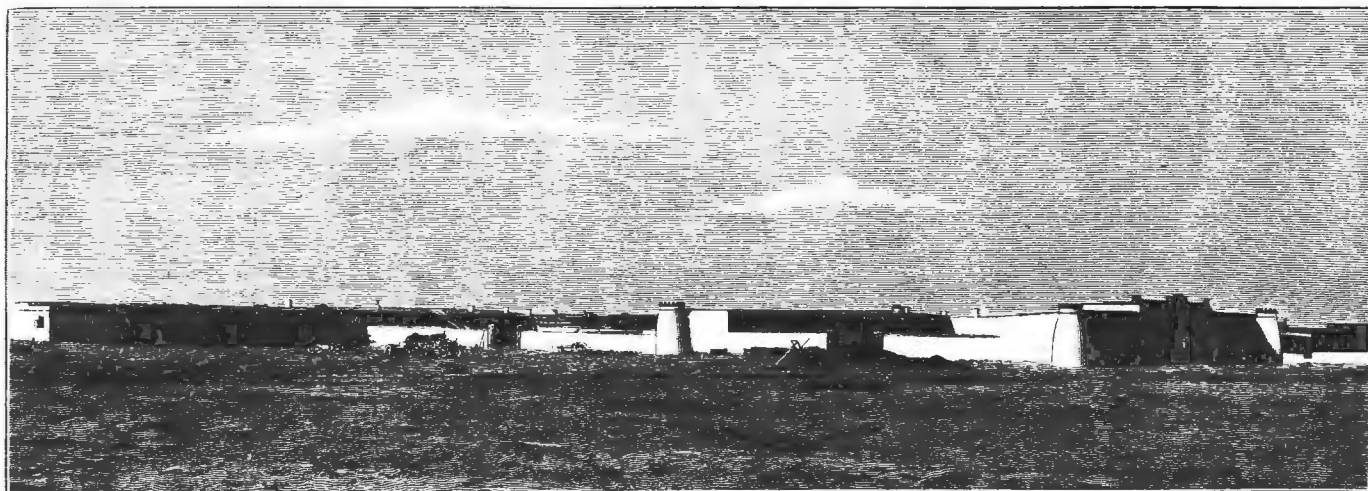
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ біографіею Лермонтова и его портрет., гравир. на стали. Кромѣ того подписч. „Нивы“ на 1891 г. получать какъ главную художеств. премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполн. fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1890 г., съ 26 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 26 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Казармы и хозяйственныя постройки въ Мургабскомъ имѣніи Государя Императора близъ желѣзно-дорожной станціи Байрамъ-Али въ Мервѣ.
Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

Однажды герцогиня увидѣла, какъ Георгъ старается вновь собрать часовой механизмъ, осторожно разобранный имъ. Въ эту минуту намѣстникъ и церемониймейстеръ также подошли къ зеркалу, чтобы взглянуть въ него, и подняли такой страшный крикъ и выразили такое отчаяніе, какъ будто неприятель снова вступилъ въ страну.

— Бѣдный, жалкій, достойный сожалѣнія и состраданія принцъ! соблазновать одинъ.

— И это Гриво! Это неслыханно, безбожно, это святотатство! восклицала другой.

И дѣйствительно, имъ пришлось увидѣть нечто ужасное: грубый ремесленникъ, на ихъ глазахъ, избилъ тростью сына Венделина XV-го! Подобныя же сцены видала герцогиня и позже, въ школѣ, куда каменотесъ отдалъ своего бойкаго, способнаго ученика. Сколько времени приходилось бѣдному мальчику просиживать за огромными чертежами или простаивать передъ классною доскою съ противными цифрами, между тѣмъ какъ Венделинъ занимался не болѣе двухъ часовъ въ день съ ласковымъ, вкрадчивымъ учителемъ, который мягко и какъ бы шути вводя его въ храмъ науки. Все, что представляло малѣйшія трудности, тщательно устранялось съ его пути, все горькое покрывалось слоемъ сладчайшаго меда. Точно также и въ школѣ счастливцевъ стулалъ по розамъ безъ шиповъ; если же онъ и зѣвалъ иногда въ лицо учителю, тотъ лишь гордился этимъ, зная, что принцъ зѣваетъ точно такъ же — если еще не громче и чаще — за всѣмъ тѣмъ, что другіе привыкли считать удовольствіемъ.

Когда Венделину исполнилось шестнадцать лѣтъ, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, ибо, какъ извѣстно, принцы развиваются раньше другихъ людей. Вскорѣ послѣ того его короновали — и уже не герцогомъ, а королемъ; но и при этой церемоніи, принцъ безпрестанно прикрывалъ ротъ кружевнымъ платкомъ.

Государствомъ онъ управлялъ превосходно, ибо мать и свѣдущіе люди въ странѣ избрали ему прекрасныхъ, способныхъ помощниковъ, которые исполняли все, что было нужно. Они носили названіе тайныхъ совѣтниковъ короля. Въ вѣдѣніи одного находилось войско, у другаго — администрація, третій управлялъ податями и таможенными сборами, четвертый — школами, пятый обязанъ былъ оказывать вмѣсто короля милости, шестой — носившій титулъ совѣтника совѣтниковъ — думать за его величество. Этому же опытному царедворцу представлено было выбрать для молодого короля супругу, и онъ необыкновенно успѣшно выполнилъ свою задачу; ибо принцесса, которая въ двадцатый день рожденія Венделина XVI соединилась съ нимъ узами брака, была такъ прекрасна, какъ будто ее изваяли изъ драгоценнаго матеріала, особенно тонкими инструментами. Болѣе пропорціонально сложенной фигуры нельзя было бы найти ни въ одномъ кабинетѣ восковыхъ фигуръ. При этомъ она обладала искусствомъ никогда не нарушать гармоніи своихъ правильныхъ чертъ; если случалось что-нибудь смѣшное, она только слегка приподнимала верхнюю губу, а тамъ гдѣ другіе плакали бы, искажая тѣмъ свое лицо, она только медленно опускала вѣки. Она была очень добродѣтельна и, несмотря на ея семнадцать лѣтъ, ее называли „мудрой“, ибо она никогда не говорила ничего глупаго, а наиболѣе умныя свои мысли также скрывала, вѣроятно изъ скромности. Венделину это нравилось, потому что онъ самъ не любилъ говорить; но герцогиню это печалило. Она такъ радовалась, что будетъ имѣть дочь, передъ которой можно

будетъ лизать всю полную своего сердца, и надѣялась имѣть повѣренную въ лицѣ жены своего сына. Но вышло иначе. Когда герцогиня пробовала лизать волнованныя ея чувства, ей казалось, что на королевѣ все это оставляетъ такъ же мало слѣда, какъ вода на перьяхъ лебедя.

Народъ восхищался своей царственною четой. Король и королева были такъ поразительно красивы, когда катались въ золотой коляскѣ, откинувшись въ противоположные углы, и такъ высокомерно и гордо смотрѣли вверхъ, какъ будто все имъ близкое находилось на небѣ; на землѣ же имъ нечего было искать.

Такъ шли годы. Но выборъ совѣтника совѣтниковъ оказался на этотъ разъ не вполне удаченъ. Королева не дарила наслѣдника своему супругу и дому Гривовъ угрожала опасность прекратиться съ Венделиномъ XVI. Это конечно озабочивало

герцогиню, но не такъ сильно, какъ можно было-бы ожидать; она знала, что есть на свѣтѣ еще одинъ Гриво, и ея материнское сердце не переставало надѣяться, что онъ когда-нибудь вернется и продолжитъ славный родъ ея супруга.

Герцогиня по-прежнему посылала гонимовъ въ тѣ страны, гдѣ, судя по костюму окружающихъ его людей и характеру мѣстности и зданій, могъ находиться Георгъ.

Одинъ разъ герцогиня предложила своей невѣстѣ взглянуть вмѣстѣ съ нею на свѣтлую поверхность зеркала, но болѣе уже не повторила опыта. Когда королева увидѣла Георга въ лохо одѣтаго, съ кашлями пота на лбу, сидящаго согнувшись надъ чертежами, въ бѣдой каморкѣ подъ крышей, она лишь слегка повела плечами, какъ будто ее оттолкнулъ запахъ нищеты, и проговорила холодно:

— И это братъ моего супруга? Не можетъ быть!

Съ этихъ поръ герцогиня никому, кромѣ старой Нонны, не позволяла смотрѣть въ

зеркало, а между тѣмъ сама проводила много часовъ въ день, слѣдя за труднымъ жизненнымъ путемъ своего несчастнаго сына. Правда, иногда ей казалось, что къ печальному существованію бѣднаго, отверженнаго принца примѣшивается немножко и счастья; ей даже приходило иногда въ голову, что въ то время, какъ красавецъ Венделинъ, не смотря на свой слѣдой лохоть, становится такимъ тучнымъ и краснощекимъ, что напоминаетъ скорѣе отъѣвшагося арендатора, простой, дюжинный Георгъ превращался постепенно въ высокаго, стройнаго молодого человѣка съ открытымъ челою и прекрасными выразительными глазами.

Какихъ страховъ не пережила она вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ! какое горе не сжимало ей сердца, при видѣ нужды, которую онъ терпѣлъ, а это случалось не рѣдко; — но за то, какъ часто она смѣялась и радовалась, когда видѣла, что „дитя несчастія“, по какому-то необъяснимому самообману, считаетъ себя счастливымъ!

Разъ случилось ей видѣть когда-нибудь болѣе сѣющее лицо, чѣмъ лицо ея Георга, въ тотъ день, когда въ великолѣпной залѣ какой-то почтенный старецъ въ длинной мантіи прижалъ его къ своей груди и увѣчалъ лаврами тѣ самыя чертежи, надъ которыми онъ когда-то просиживалъ ночи? А потомъ, когда онъ прибылъ уже въ другую страну, среди величайшей нужды — свѣтъ иногда идетъ на выворотъ! — Георгъ казался такъ необузданно счастливъ, какъ будто фортуна высыпала на него весь свой рогъ изобилія.

Онъ жилъ въ выбѣленной известкой каморкѣ, которая вмѣсто пола была вымощена кирпичемъ. Придя домой, онъ не ѣлъ ничего кромѣ куска хлѣба, нѣсколькихъ винныхъ

Развалины древней мечети въ Байрамъ-Али-кала. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

ягодъ и козяго сыра съ глоткомъ мутнаго вина, разбавленнаго водой. Этотъ нищенскій обѣдъ приносилъ ему старая, бѣдно одѣтая женщина, и у герцогини разрывалось сердце, при видѣ того, какъ онъ вытаскивалъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, чтобы заплатить ей. А на этотъ разъ онъ, кажется, выдалъ послѣднюю; по крайней мѣрѣ, онъ вывернулъ свой кошелекъ, вытрясъ его на полъ, но оттуда не выпало ничего.

Все это глубоко уязвляло сердце любящей матери; она долго и горько плакала, думая о благосостояніи своего старшаго сына и о жестокой слѣпой судьбѣ, которая такъ несправедливо распредѣляетъ свои дары.

Когда глаза ея, отуманенные слезами, могли снова различать предметы, герцогиня опять посмотрѣла въ зеркало и увидѣла длинное, довольно жалкое зданіе, къ которому примыкала большая, покрытая рѣшетчатою кровлей веранда. Вокругъ простыхъ, деревянныхъ столбовъ вилась роскошная виноградная зелень, луна обливала серебристымъ свѣтомъ зеленые побѣги и листья, и веселый свѣтъ огней бросалъ золотистый, пурпурный отблескъ на освѣщенную рѣшетчатую крышу и на радостныя лица ширящихъ.

За длиннымъ, узкимъ столомъ сидѣли молодые люди въ удивительныхъ одеждахъ, съ веселыми, оживленными лицами. Передъ каждымъ изъ нихъ стояла, оплетенная соломой, бутылка съ длиннымъ горлышкомъ, кубки наполнялись, опарывались, поднимались вверхъ. Молодые люди чокались между собою, въ глазахъ ихъ загорался вдохновенный огонекъ, движеніе становилось быстрымъ, и вотъ, одинъ изъ нихъ вскричалъ на столь—и этотъ одинъ былъ прекраснѣе всѣхъ другихъ, это былъ ея Георгъ.

Казалось, онъ чувствовалъ себя не на землѣ, а на небѣ. Онъ говорилъ и говорилъ, а другіе слушали его, притановъ дыханіе, пока онъ не опорожнилъ заломъ такого огромнаго кубка, что у герцогини морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Что за непонятный восторгъ вызвала эта рѣчь среди присутствующихъ! Слово бѣсноватые, повекакали они со своихъ мѣстъ, а одинъ даже высоко забросилъ свой кубокъ черезъ рѣшетчатую крышу веранды.

Когда Георгъ сошелъ со стола, всѣ окружили его, бросались къ нему на грудь, обнимали его и наконецъ зашли хоромъ. Въ концѣ-концовъ герцогиня увидѣла своего сына съ увлеченіемъ кружившагося въ вальсѣ съ молодой дѣвушкой; она была

очень красива, но плясала босикомъ, въфройтно, это была дочь трактирщика. Хотя ему, какъ принцу, не совсѣмъ подобало это, но герцогиня охотно простила ему, — она видѣла, какъ Георгъ цѣловалъ свѣжія какъ вишни губы молодой дѣвушки.

Все это очень походило на счастье, хотя конечно не могло быть таковымъ; ибо какое-же счастье можетъ выпасть на долю обреченнаго злему року? Трудно было сказать, что это, но во всякомъ случаѣ, Георгъ имѣлъ видъ человѣка находящагося на верху блаженства.

Герцогиня не сомнѣвалась теперь, что сынъ ея находится въ Италіи; но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ посланцевъ не могъ найти его. Годъ спустя, Георгъ началъ заниматься дѣломъ, которое, она надѣялась, могло навести новыхъ посланцевъ на его слѣдъ. Георгъ покинулъ жалкую каморку и жилъ теперь въ великолѣпной высокой комнатѣ. Она видѣла его ежедневно, съ пергаментнымъ сверткомъ въ рукахъ, отдающимъ приказанія толпѣ рабочихъ. Иногда онъ взбирался на испанскіе лѣса—окружавшіе постройку—такъ высоко-высоко въ поднебесье, что у нея, глядя на него, дѣбалось головокруженіе, а ему, повидимому, это было привычнымъ дѣломъ.

По временамъ приходилъ на постройку царственной осаки господинъ, съ прекрасною молодою дѣвушкой, окруженный толпою царедворцевъ и слугъ. Тогда вызывали Георга; онъ показывалъ государю и молодой дѣвушкѣ—въфройтно его дочери—планы и долго бесѣдовалъ съ высокими постытителями. При этомъ онъ вовсе не выказывалъ подобострастія, свойственнаго придворнымъ; движеніе его было свободны и увѣренны, глаза смотрѣли такъ открыто и съ такой скромною привѣтливостью, что герцогиня такъ и хотѣлось привлечь его къ себѣ на грудь и крѣпко расцѣловать; но, увы! это было невозможно, къ тому-же мало-по-малу ей стало казаться, что сынъ ея гораздо болѣе жаждетъ другихъ поцѣлуевъ; по крайней мѣрѣ, онъ какъ-то особенно поглядывалъ на молодую дѣвушку, и та, повидимому, ничего не имѣла противъ этого.

Однажды, разговаривая съ Георгомъ, молодая принцесса уронила розу, и когда онъ поднялъ цвѣтокъ, она, видимо, позволила ему оставить его у себя; по крайней мѣрѣ, она ничего не возражала, когда молодой человѣкъ поднесъ розу къ губамъ и спряталъ къ себѣ на грудь. Большой чертѣжъ скрывалъ всю эту сцену отъ нескромныхъ взглядовъ окружающихъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Съ горячаго Юга. (Рис. на стр. 1197 и 1212).

Когда, 26 лѣтъ тому назадъ, Вамбернъ впервые привезъ въ Европу рядъ извѣстій о народахъ живущихъ къ югу отъ нашихъ киргизскихъ степей, весь читающій міръ съ живѣйшимъ участіемъ слушалъ его рассказы о кровожадныхъ туркменнахъ, несчастныхъ персахъ, воодушевленныхъ рыцарскими чувствами, о фаатикахъ Хивы, Бухары и всего этого непознаннаго Востока. Теперь, сидя въ вагонѣ-буфетѣ Закаспійской желѣзной дороги на холодномъ крышномъ и несенъ съ быстротой 25 верстъ въ часъ по песчанымъ пустынямъ, мы считаемъ весь этотъ рассказъ просто тяжелымъ сномъ человѣка получившаго солнечный ударъ при 55° жары.

Да, 55° Реомюра—легко сказать, да выдержать-то каково, а выдержалъ-же это нашъ русскій пионеръ, выдержалъ такъ же какъ недавно Балканскую зиму, а нѣкогда переходъ черезъ Альпы.

Эта страшная жара, противъ которой приходится бороться намъ, сѣвернымъ жителямъ, въ Закаспійскихъ степяхъ, которая на первый взглядъ должна-бы истребить все живое, однако безпобѣдна противъ растительности и человѣка гдѣ есть вода.

Эта истина споконъ вѣковъ извѣстна народамъ Средней Азии. Исторія учитъ насъ, что эти народы съ древнѣйшихъ временъ старались расширить *искусственно* область распространения воды для питанія ихъ полей и садовъ.

Искусство помощью канавъ, выведенныхъ изъ какихъ-нибудь водохранилищъ или рѣчекъ, орошать поля и сады, называемое нынѣ ирригаціей, широко примѣнялось съ незапамятныхъ временъ на всемъ Югѣ Азии и Сѣверѣ Африки, гдѣ сухость климата обширныхъ пустынь и степей и даже значительныхъ предгорій дозволяла развиваться растительности лишь тамъ гдѣ была живительная влага, проведенная и сохраняемая искусственно рукой человѣка.

Послѣднія изъ нашихъ завоеванныхъ окраинъ—знаменитый вѣкогда Мервскій оазисъ—представляетъ въ своихъ суглинкахъ и песчаныхъ равнинахъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ той невѣроятной массы земляныхъ работъ, которую могъ скопить человѣческій трудъ на незначительно сравнительно пространствѣ десятками вѣковъ, для полученія хорошо установленной оросительной сѣти.

Понятно, много найдется въ Азии и нашихъ даже владѣніяхъ (Хива, Фергана) работъ болѣе грандіозныхъ размѣрами, чѣмъ старый главный оросительный каналъ Мерва, называемый Султани-бейдомъ; но рѣдко гдѣ распределение воды по оазису было такъ удобно и рационально устроено какъ въ Мервѣ, этой бле-

стящей резиденціи нѣсколькихъ династій, Сассанидовъ и др., и наконецъ могучихъ турецкихъ султановъ, одному изъ которыхъ, Санджару, приписываютъ устройство каменнаго водослива на рѣкѣ Мургабѣ, высотой въ четыре с лишкомъ сажени, и вообще исправленіе всей старой сѣти ирригаціонныхъ работъ, главный каналъ коихъ и называется съ тѣхъ поръ Султанскимъ.

Прахъ Санджара, когда-то, до пришествія монголовъ, почивалъ въ великолѣпномъ мавзоеѣ, возвыгнутомъ среди развалинъ арабскаго города; куполь этого зданія, сильно пострадавшего отъ руки людей—не времени, имѣетъ до 28 сажень высоты и теперь.

Кругомъ этого мощнаго памятника на много верстъ во всѣ стороны видны только громадные холмы, покрытые кирпичнымъ мусоромъ, среди которыхъ, судя по остаткамъ стѣнъ и громадныхъ валовъ, въ разное должно-быть время было воздвигнуто до 6 разныхъ городовъ, а судя по остаткамъ стариннаго вала, когда-то окружавшаго 5 изъ нихъ, окружность города должна была доходить до 40 верстъ, что, впрочемъ, только подтверждаетъ сказанія персидскихъ лѣтописцевъ, доводящихъ до 1.500,000 людей число истребленныхъ въ Мервѣ жителей, знаменитымъ полководцемъ Чингисъ-Хана — Гулагу, впоследствии основателемъ иранской династіи Иль-Хановъ. Кстати тутъ припомнимъ рассказъ Марко Поло о двухъ пирамидахъ изъ человѣческихъ головъ, сооруженныхъ въ развалинахъ этого несчастнаго города, невѣроятныхъ, какъ говорятъ, размѣровъ, для назиданія потомству, по приказанію Чингисъ-Хана.

Теперь этого памятника не осталось на мѣстѣ и слѣда, и лишь въ одной изъ туземныхъ пѣсенъ поется о горѣ головъ, что счетъ имъ туманъ-тумановъ (100.000.000).

Но вотъ на мѣстѣ, осмариваемомъ какъ узелъ главныхъ дорогъ всѣми князьями Востока, Россія водрузила свое знамя, раздоры прекратились, столь грозные туркмены сдѣлались вдругъ мирными кочевниками или земледѣльцами, ихъ прославленные набѣги — *миломъ* временъ прошедшихъ; мало того, Высочайшимъ указомъ 1887 года повелѣно возстановить во всемъ ея объемѣ старинную оросительную сѣть оазиса, и близко то время, когда среди развалинъ шести старыхъ городовъ возникнетъ седьмой—русскій. На прилагаемой фотографіи виденъ зародышъ этого будущаго города, это рядъ казармъ, помѣщеній и хозяйственныхъ построекъ Государева Мургабскаго имѣнія около станціи ж. д. Байрамъ-Али, пункта выбранаго для помѣщенія управленія этимъ имѣніемъ, и гдѣ кстати разводятся громадный питомникъ всевозможныхъ полезныхъ мѣстныхъ или иноземныхъ акклиматизируемыхъ растений

и деревьяхъ, предназначенный впоследствии для снабженія плѣвня громаднымъ количествомъ саженцевъ.

Глядя на ростъ деревьевъ этого питомника и сравнивая ихъ съ подобными деревьями въ Россіи, удивляешься той силѣ, которая какъ бы волшебствомъ заставляетъ ихъ расти буквально не по днямъ, а по часамъ. Какъ любопытную иллюстрацію могу привести извѣстный въ Мервѣ случай, что въ 1888 году ридиновый кустъ въ городѣ, у дома командующаго стрѣлковой бригадой, достигъ въ высоту *три* сажени и отъинилъ пространство діаметромъ тоже въ три сажени.

Другое изображеніе — развалины мечети въ послѣднемъ изъ разрушенныхъ городовъ. Городъ этотъ, называемый нынѣ въ отличіе отъ другихъ развалинъ Байрамъ-Али-кала, по имени послѣдняго удѣльнаго владѣльца, сохранился лучше другихъ и разрушенъ всего 104 года тому назадъ бухарскимъ эмиромъ Маасумомъ за непризнаніе его верховныхъ правъ на Мерв; но, какъ говоритъ преданіе, не дешево досталась бухарцамъ эта побѣда, — три года длилась съ перерывами война и осада города, и только за полнымъ недостаткомъ воды, вслѣдствіе разрушенія Султанской плотины, сдался этотъ храбрый городокъ власти кровожаднаго эмира, превратившаго въ пустыню весь Мервскій оазисъ и выведшаго въ плѣнъ изъ этихъ развалинъ болѣе 42.000 семействъ, поселенныхъ теперь въ Каракулъ, Бузаръ и Самаркандъ.

Недавно еще я видѣлъ стариковъ въ этихъ городахъ, которые съ горькими слезами вспоминали о паденіи славной «царицы міра», какъ, помимо всѣхъ превратностей судьбы, назывался еще этотъ обломокъ прежняго величія разрушенной турецкой столицы. Въ особенности славилось плодородіе почвы этого оазиса и прекрасные его сады, что давало надежду намъ, что со временемъ Мервъ, нѣкогда славный своимъ шелководствомъ, станетъ хлопчатникомъ Россіи и избавитъ насъ отъ тягостной платы иностранцамъ, доходящей и теперь до 20 милліоновъ рублей ежегодно.

Капризная натура. (Рис. на стр. 1200 и 1201).

Давнишнее желаніе исполнилось. Старый маркизъ и его почтенная супруга стали дѣдушкой и бабушкой. Чтобы всегда имѣть около себя милыя черты новаго представителя ихъ славнаго рода, они рѣшились утѣковичить своего ненагляднаго любимца на холостѣ. Съ этою цѣлью приглашается извѣстный живописецъ. Но капризный и подвижной ребенокъ не хочетъ оставаться покойнымъ, и бѣднымъ старичкамъ предстоитъ не мало хлопотъ и возни, пока неугомонное дитя будетъ красоваться, какъ живое, на картинахъ.

Лѣсная бѣда. (Рис. на стр. 1205).

Воспользовавшись первою порошей, звѣропромышленникъ разставилъ по звѣриннымъ тропамъ въ лѣсу капканы, которые и занесло снѣжкомъ вмѣстѣ со слѣдами коварнаго злодѣя. Ничего не подозревавшая куза лѣса-Патрикѣвна пробиравалась вечеркомъ на свой курятный промыселъ, какъ вдругъ со страшною болью защекакнуло ей ногу, и пронзительный визгъ ея огласилъ лѣсную чащобу... Всѣ пернатые враги ея, у которыхъ она истребляла яйца и птенцовъ, слетаются на знакомый крикъ, злорадно привѣтствуя чужую бѣду, — особенно вордны такъ и надрываются въ своихъ поздравленіяхъ...

Слѣпая сидѣлка. (Рис. на стр. 1208).

Рисунки академика Трутовскаго изъ малороссійскаго быта всегда исполнены жизни и поэтической правды. На этотъ разъ передъ нами внутренность крестьянской хаты, въ которой слѣпая «бабуся» ухаживаетъ за больнымъ «хлопцемъ», повидимому роднымъ внукомъ. Заслышавъ жалобный призывъ недужнаго, старуха ошущно пробирается по стѣнкѣ въ «свѣтлицу», гдѣ лежитъ мальчикъ, готовая подать ему поспѣшную помощь.

Любимцы. (Рис. на стр. 1209).

Преданность и вѣрность собаки вошла въ пословицу. Оттого человекъ и любитъ это животное, на каждомъ шагѣ выражающее свою привязанность. Эта взаимная любовь проявляется съ малыхъ лѣтъ, какъ-то сама собою, и мы часто любимъ забавами ребятишекъ играющихъ со своими четвероногими друзьями.

Туалетъ слона. (Рис. на стр. 1213).

Слонъ, величайшее изъ млекопитающихъ сухопутныхъ, необычайно любитъ воду, въ которой неуклюжій великанъ умѣетъ мастеровски плавать. По словамъ натуралиста Брэма, онъ бросается въ воду съ истиннымъ наслажденіемъ и по произволу опускается въ глубину. Если ему нужно, онъ въ прямомъ направленіи перегибается самымъ широкія рѣки, а иногда просто ложится подъ водой, высовывая на поверхность одинъ только кончикъ хобота. Въ неволѣ купанье слона иногда замѣняется омываніемъ, причѣмъ его обливаютъ цѣлыми потоками воды, къ видимому удовольствію исполина, который неуклюже и смѣшно выражаетъ при томъ пріятное ощущеніе, доставляемое ему туалетомъ.

Спасательная ракета. (Рис. на стр. 1216).

Всѣ спасательныя станціи, военныя и коммерческія суда снабжены спасательными ракетами, благодаря которымъ можно перебросить тонкій манильскій линъ (канатъ) на разстояніе 250 саж.

Ракета состоитъ изъ желѣзной гильзы, длиною въ 2 фута 1½ дюйма и діаметромъ въ 3 дюйма; наполнена ракетнымъ составомъ. Ракетный хвостъ, березоваго дерева, имѣетъ форму усѣченнаго конуса длиною въ 2 фута 5 дюймовъ. Въ концѣ хвоста прикрѣпленъ желѣзный крючекъ съ пружиною, которымъ ракета при спускѣ захватывается за кольцо линя.

Ракетный спускъ состоитъ изъ желѣзной трубы, имѣющей въ разрѣзѣ форму квадрата; края трубы отогнуты внизъ и образуютъ прорѣзъ, для прохожденія хвостоваго крючка. Труба положена на треногу и можетъ измѣнять углы возвышенія.

Приготовляя ракету къ спуску, надо главнымъ образомъ наблюдать, чтобы линъ былъ хорошо уложенъ въ ящикъ, въ противномъ случаѣ можетъ образоваться колыбка, т. е. узелъ, линъ лопнетъ и ракета пропадетъ даромъ. Когда ракета съ линемъ долетитъ до мѣста, то персправа людей уже на половину готова, остается только по этому тонкому линю передать 3-хъ-дюймовый лееръ и оттяжку. Лееръ закрѣпляютъ насколько возможно выше отъ воды и туго вытягиваютъ. По этому лееру ходитъ блокъ, къ нижней части котораго привязанъ спасательный кругъ съ брюками. Оттяжки-же служатъ для того, чтобы переводить блокъ съ кругомъ отъ судна къ берегу, и обратно.

Жоржъ Бизе. (Портр. на стр. 1217).

Въ 1875 году внезапно скончался въ Буживалѣ, отъ аневризма, Жоржъ Бизе, мало еще извѣстный тогда музыкантъ и композиторъ, и потребовались цѣлыя 15 лѣтъ, чтобы музыка автора «Карменъ» была оцѣнена по достоинству. Родившись въ 1838 году, Жоржъ Бизе 29 лѣтъ получилъ римскую премію и лишь незадолго до смерти былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Любимый ученикъ Галеви, впоследствии его зять, Бизе въ своихъ твореніяхъ былъ продолжателемъ того направленія, которое было насаждено во французской оперной музыкѣ его наставникомъ и тестемъ, а также Герольдомъ, Мейерберомъ и др., и которое достигло своего расцвѣта въ безсмертныхъ твореніяхъ Гуно. Уснѣвъ при жизни написать немного, тѣмъ не менѣе, въ своихъ работахъ Бизе не мало внесъ новаго и своеобразнаго во французскую музыку. Его оперы «Пертская красавица», «Искатель жемчуга», «Карменъ», музыка къ «Арлезиенкѣ», увертюра, озаглавленная «Отечество», романсы и другія немногія творенія свидѣтельствуютъ о безспорномъ дарованіи молодого композитора, который видимо стремился къ чему-то новому, но былъ преждевременно похищенъ смертью въ самую цвѣтущую пору жизни и таланта.

Сухопутно-водяной велосипедъ. (Рис. на стр. 1217).

Недавно въ Марсели производились опыты съ велосипедомъ, который двигается одинаково легко и свободно какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ, безъ всякихъ измѣненій въ устройствѣ или остановокъ на ходу. Снарядъ этотъ устроенъ по образцу трехколесныхъ велосипедовъ (tricycle), приводится въ движеніе ногами при посредствѣ педалей и передаточной шестни, снабженъ тормазомъ, легко поворачивается съ помощью руля руками и свободно скатывается съ берега въ воду и выходитъ обратно на сушу. Каждое колесо велосипеда представляетъ какъ бы двѣ металлическія тарелки или крышки, соединенныя краями, которые обтянуты резиновыми шинами, какъ у всѣхъ велосипедовъ, предохраняющими отъ толчковъ. Кроме того, эти пустыя внутри и легкія колеса, толщиною въ 20 сантиметровъ, снабжены снаружи нѣсколькими лопастями, которыя дѣйствуютъ какъ у пароходныхъ колесъ, какъ только велосипедъ переходитъ въ воду. Размѣръ заднихъ, большихъ колесъ достигаетъ почти двухъ аршинъ въ поперечникѣ и они отстоятъ другъ отъ друга на 1¾ аршина. Сбѣдо помѣщается надъ осью на ¼ аршина. Въ водѣ колеса погружаются, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, вершковъ на 8—9.

Первые опыты съ новымъ снарядомъ, названнымъ велонотикъ (vélonautique), дали прекрасные результаты. Средняя быстрота хода: около 3 минутъ верста на сушѣ и ¼ часа въ водѣ, при 6 лопастяхъ шириною въ 2 дюйма. Но число и ширина послѣднихъ могутъ быть увеличены, такъ что скорость въ водѣ можетъ дойти до 7 верстъ въ часъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ велонотикъ отличается замѣчательною устойчивостью какъ на сушѣ, такъ и на водѣ: только съ большими усиліями удалось двумъ лицамъ опрокинуть приборъ, когда онъ былъ въ водѣ, но и тогда онъ, благодаря своей плавучести, явился какъ бы плотомъ, который легко могъ выдержать двухъ человекъ. Однако эти качества не вполне удовлетворили изобрѣтателя новаго снаряда, морскаго механика Романеси, и его строителя Руссо, управляющаго большою велосипедною фабрикой въ Марсели, и они надѣются, благодаря нѣсколькимъ измѣненіямъ, еще болѣе усовершенствовать велонотикъ.